

Ну и кто же знал, что их сюда принесет? Честно скажу, как на духу: не ожидал, просто никак не ожидал от них такой решительности. «Мы в суд подадим, у нас концов много» — это их стиль. С ментовским генералом прийти — их стиль. Проверку организовать — тоже их стиль. С «маски-шоу» налететь и всех мордами в пол положить — и так для них сгодится. А «людей прислать» — не их. Это мой стиль с недавних пор, будь они прокляты, поры эти.

Ладно, переживем. И не такое переживали, и это переживем. На дачу, подальше от Москвы, а там видно будет. Мы не всегда на «армадах» ездили, были у нас и «жигули», а был до «жигулей» и пяточок на метро. Все было. Мы из грязи в князи, но и обратно нам не в падлу. Ничего, поплавали уже — и еще поплаваем. Как там у моряков говорится? «Попали в дерьмо — давайте в нем плавать». А что делать! Ничего, рыбку половлю, на озеро Селигер полюбуюсь. Там зацепок никаких, ищи меня до морковкина заговенья. Домишко-то оформлен на бомжа, какой уже давно волей Божьей помер, оставив свой паспорт будущим поколениям — мне то есть, — и в нем давно мой портрет с галстуком, и этот самый портрет — Коновалов Петр Сергеевич — владеет этим самым домишком. Не я, не я... Я тут не при делах.

Все, валим из квартиры, валим, не хрен сопли жевать. «Макара» на пояс, «помпу» в чехле за спину, к рюкзаку. Ноги, ноги отсюда, пока не поздно. Сосед. Здравствуй, соседushка, будь здоров, не поминай лихом. Да-да, на охоту.

Именно. В Карелию. Почему в Карелию? А из кино пришла Карелия, про особенности этой самой национальной охоты. Они там, в Карелии, водку пили, вот и пришлось в голову. А вообще — сезон сейчас для охоты или как? А пес его ведаёт, не знаю я. Все, сосед, бывай, привет жене, заодно скажи, чтобы не скучала, когда ты на работе. Да-да, ты старый и пузатый, у тебя просто денег много, а она в Москву приехала аж из Семипалатинска — карьеру модели делать. Скучно ей дома сидеть одной. М-да.

Ладно, что было, то и было, не до нее сейчас, овцы тупой, разве что ноги длинные да задница на загляденье. Мне сейчас ни до кого — мне бы башку свою довести до дачи, притом так, чтобы она на прежнем месте сидела. На плечах то есть.

У машины никого. Это хорошо, что никого, у меня сейчас нервы как струны, тронь — зазвенят. Плохое сделать могу, у меня пистоль в руке под курткой, я уже на все готов. Но никого вокруг, никого... Сигналка пиликнула, большая серебристая туша «армады» приветливо подмигнула подфарниками. Рюкзак в багажник, сам за руль. Жарко. Это от паники. Куртку долой — назад ее, на сиденье. Ствол в подлокотник, выходить буду — за пояс засуну. Кобуру бы надо, но как-то не обзавелся.

Заправиться нужно будет, скоро лампочка замигает. Но это ладно, это я уже за Кольцом, на Новой Риге. Из города валить надо. Подвязок у них много, понимаешь. Могут и гаишникам дать знать. Не повезло мне, не повезло. Так все хорошо начиналось...

Ладно, мотор, как в кино, не заглох — потащил энергично этого бегемота японско-американского, как подбает. Слева на улице пусто, рано еще, справа тоже вроде... Машина припаркована, «приора» серая, в ней двое. Не нравятся — я лучше налево и дальше объеду по...

А затем — яркий свет. И больше ничего.

* * *

Зараза. Больно-то как. И в глазах круги, словно в прожектор смотрел. Вроде и открыты, и чувствую, что не ослеп, но не вижу при этом ни хрена. А что чувствую еще? Руки... руки вот чувствую. И под ними грязь, что ли? И вообще — чего это я на брюхе валяюсь? Кстати, я же в машине ехал, и по асфальту, откуда тогда грязь и пешком?

Попытался подняться на локтях — и опять упал, больно ударившись скулой... Обо что? Дорога. Грунтовка. Вру: какая же это дорога? Колея это обычная, да и та не слишком наезженная. А что это лежит?

Вновь оперся на руки, поднялся на четвереньки. Боль в голове перекадилась шипастым чугунным шаром, стучаясь изнутри о стенки черепа, в глазах круги побежали быстрее, но картинка начала проясняться. Кстати, сотрясение точно есть. Если к этому подходит термин «кстати». Кому кстати, а кому так и не очень.

Черт, штормит-то меня как. И где это я? Песок мокрый, с грязью, трава вокруг. В Москве? Почему в Москве? Потому что я в Москве был. А теперь я где? А теперь — я без понятия...

Удалось сесть, пусть и прямо в грязь, но все же вертикально. Слой тумана с роящимися в нем искрами перед глазами развеялся понемногу, и в мозг пошел поток визуальной информации. Приложил руку к голове, поднес затем ладонь к самым глазам. Кровь. Башку расшиб, причем совсем не слабо. Как это я? Свет только помню, яркий-яркий. При чем тут башка?

Зрение продолжало постепенно фокусироваться, и я наконец осмотрелся. Проселок через лес, а тут еще и по дну неглубокого оврага. На склонах трава и песок, зелень сочная, какую только в Таиланде видел, густо-зеленая, даже ненатуральная. На дороге мусор, тряпки какие-

то, мешки выпотрошенные... Стоп, а это не только мешки. А вот это что? Известно что...

Прямо передо мной, метрах в пяти, лежал труп мужчины, раздетого до нижнего белья. Усатый, бородатый, темноволосый. Голова раскрыта почти пополам, лицо съехало с черепа и буквально стекло на дорогу мягкой и мерзкой маской. Над ним мухи, целый рой, гудят как вентиляторы. Я думал, что это в башке у меня гул, а это вовсе мухи. Это хорошо или плохо?

Не понял я ничего, если честно. У меня в ладонях до сих пор ощущение руля осталось, я же в Москве был, в своей машине... Не лежал на грязной колее среди каких-то джунглей, это я очень хорошо помню. Ехал я — на дачу, на озеро Селигер, что в Тверской губернии, от проблем подальше... Ага, уехал.

Или я с ума сошел? Умер? И теперь на том свете? А этот, которому башку развалили пополам, — он теперь на каком? Что-то не сходится. Кстати, как-то эмоций мало... Должен был кондрашка с перепугу хватить, надо в истерику впасть, кричать в небо психанутым Станиславским: «Не верю! Не верю!!!» — а я тут вроде как кино перед собой прокручиваю и над ним размышляю. Почему так? Потому что пока и в самом деле не верю.

Это что? Еще труп. Тоже мужик, и тоже раздетый. Лошадь дохлая. Еще труп. И еще. Еще лошадь. Дальше еще два мужика. Все бородатые, все не от инфаркта умерли — их словно топорами рубили, пластовали как туши в мясницком цеху. Кто их так?

На всех трупах птицы. Вороны или кто там? Не пойму. Орут странно, толкаются боками, сгоняют друг друга с падали. Воняет падаль-то, дух стоит такой, что вывернет сейчас.

Дальше — телега перевернутая. Даже не телега, а фургон, судя по рваному брезентовому тенту и погнутым

железным дугам. В оглоблях, перекрученных и ломаных, убитая лошадь запуталась. У фургона всякого барахла навалено — вроде мешков выпотрошенных, причем так, словно их собаки рвали... Склоны оврага все в следах... Это даже мой сотрясенный мозг усваивает — и выдает вывод: по ним бежали вниз те, кто всех тут порубал. Почему порубал, а не пострелял? Мы вот стреляли в свое время. И по нам стреляли в ответ. Горы, стрельба, «зеленка». Тут «зеленка» сплошная. Кстати, той, из воспоминаний, сто очков форы даст.

А это что за звук? Рычит вроде как кто-то? И клацанье какое-то, вроде как собаки кости грызут. Я обернулся наконец... и остолбенел.

— Ага... свои в овраге лошадь доедают... — чувствуя, как спина холодеет от страха, пробормотал я старую дурацкую присказку.

Это волки? Я думал, они меньше бывают... Эти же... Они же... с кого будут? Или не волки? Гиены? Здоровенные такие?

На обочине дороги, вытянув ноги и шею, лежал труп гнедой лошади. Только сильно — не весь, но здорово — объеденный. Белые ребра частично были еще на месте, а частично валялись вокруг. Мяса на туше почти не оставалось, а то, что еще можно было обгрызть, как раз и грызли крупные твари весьма мерзкого вида. Нет, это не волки...

Тварь, что подняла измазанную кровью морду на длинной и толстой шее, вытащив ее прямо из брюха мертвой лошади, была чуть ли не с меня ростом. Могучая грудь, широкие лапы, рыжий с бурыми пятнами окрас... Сквозь сгустки крови, прилипшие к морде, сверкали клыки длинной в мой мизинец, не меньше. Черные блестящие глаза, из которых текли крупные слезы, чертя мутные дорожки по покрытой кровью щетине, пристально уставились

на меня, словно оценивая на жирность. Следом за этой тварью начали поднимать головы остальные, пять или шесть.

— Ты это, хавай давай, не отвлекайся, — пробормотал я, отступая задом и изо всех сил стараясь не заорать и не броситься наутек. — Лошадка вам вкусная досталась, я с ней ни в какое сравнение... И вон еще их сколько-неделю жрать можно от пуза...

Чтоделать-чтоделать-чтоделать? Даже ствол в машине остался, а машина... Где осталась машина? Не знаю я, где машина, машина там, где она есть, а я — тут, с гиенами этими, которые на меня уставились всей стаей своими слезящимися глазами. Не кидаются, но и к еде не возвращаются.

Пятясь, я споткнулся о труп мужика с раскроенным черепом и упал на задницу, спугнув двух обожравшихся ворон, которые с протестующими криками отскочили в сторону, отвлекшись от выклевывания глазниц мертвеца. И сразу же одна из гиен, самая мелкая, с тремя продольными, недавно зажившими бороздами на морде, сделала несколько быстрых коротких прыжков в мою сторону, и в тот момент, когда я собрался заорать, вновь замерла, продолжая фиксировать меня взглядом. Остальные стояли неподвижно, эдакими уродливыми статуями, как, блин, с картинки про преисподнюю.

Не отрывая от них взгляда, я поднялся на ноги и попятился дальше, продолжая увеличивать дистанцию между нами. У них жратвы много, до смерти утрескаться можно — зачем им я? Я им не нужен, за мной еще побегать придется, а падаль им прямо на стол подали, сервировали, можно сказать. Если только они дичинку падали не предпочитают... Но это же точно гиены: они ведь падальщики... Или не гиены? Не бывает таких больших гиен, это я точно знаю, я с детства зоопарки любил и книжки про

животных. И фильмы. И передачи. И ведущего Дроздова. И кого хочешь — кого там надо еще полюбить, чтобы меня сейчас тут не сожрали?

Я отходил все дальше и дальше, не отрывая взгляда от стаи тварей, старясь больше ни обо что не спотыкаться, не падать, не отрывать от них взгляда и не показывать паники. Не знаю как, но я понял сразу: побегу я — и вся стая кинется за мной. А шансов отбиться от них у меня около нуля или чуть меньше. Ружье, ружье в машине было... Где моя машина, а? Ну куда она, мать ее в душу и крест в гробину, делась? Ружье, «макар» с коробкой патронов... Я ведь всем этим пользоваться умею, могу других поучить. Ну где оно все, когда его так не хватает?

Гиена, отделившаяся от стаи, вновь сделала несколько шагов вперед, а следом за ней еще одна. Нет, не нравится им, что я удаляюсь. Что делать? Ну что мне делать? «Надо бы на склон подняться, там деревья есть!» — стробоскопом запульсировала мысль в черепной коробке. Точно, на дерево надо. Не полезут они на дерево: не умеют. Не должны уметь. Откуда им уметь? Это я умею, я от обезьяны произошел, а они — нет. Они от какой-то сволочи произошли.

Чуть-чуть ускорившись, я завернул за перевернутый фургон, оставив между собой и стаей хищников хоть какое-то препятствие. Склон. Вот он, рукой подать. Трава мокрая, и земля скользкая. Почему так? А ведь душно, жуть как душно — как в бане, хоть у меня и мороз по коже от ожидания того, что меня сейчас, как ту лошадку... что в овраге... Мы тут все в овраге, кстати, а мне из него выбираться надо. А не выберусь — хана, Спинозой быть не нужно, чтобы до такой простой мысли дойти.

Мозг сам отметил, что в фургоне еще два раздетых трупа, даже без белья, и тоже порубанных на куски, кровью все забрызгано. Ну зачем им я, а? Вон им еды-то сколько...

Двумя прыжками разогнавшись, заскочил метра на три по склону, затем подошвы ботинок поехали назад. Я судорожно вцепился рукой в какой-то хлипкий с виду кустик, и он, к моему удивлению, не вырвался с корнем, а удержал меня. Только одарил целой кучей колючек, вонзившихся в ладонь, так что я выматерился во весь голос. Но не отпустил его, напрягся — и преодолел еще пару метров. Оглянулся.

Гиена, что пошла в мою сторону, бежала следом, неуклюжими медленными прыжками, явно не торопясь. Ее раздутое от жратвы брюхо, свисавшее чуть не до колен, разгоняться не пускало. А затем, когда тварь преодолела половину расстояния между стаей и мной, следом за ней, чуть быстрее и как-то агрессивней, рванула вторая — та самая, что первой уставилась на меня. Самая большая.

Это послужило сигналом для всей стаи, которая, сбившись в тесную кучу, ломанулась за ней следом. А я изо всех сил, вцепляясь руками в острую, как осока, траву и буксуя на скользкой глине, рванул вверх по склону, в сторону спасительных деревьев. Если только гиены по склонам сами карабкаться не умеют.

Первой добежала до меня самая большая, пыхтя и глухо рыча, роняя вожжи тягучей грязной слюны. Прыгнула с ходу, но скатилась обратно — огромные зубы щелкнули уже в метре от моих ботинок. Затем прыгнула вторая, третья, но тоже бесполезно.

— Хрен вам в зубы! — просипел я в ответ, продолжая карабкаться вверх и молясь лишь об одном — не соскользнуть обратно. Тогда я и минуты не проживу: в клочья разорвут. Там каждая зверюга больше меня.

Едрить, как же скользко! Если бы не жесткая трава, беспощадно режущая своими бритвенно-острыми лезвиями ладони, я бы уже полетел вниз и надо мной сом-

кнулись бы мохнатые грязно-бурые спины гиен. Только трава эта самая меня и держит.

— Эй! — раздался откуда-то сверху крик — то ли женский, то ли детский. — До здесь! До здесь беги!

Краем глаза я разглядел какую-то серую фигуру на краю оврага, у самых кустов. Разглядели ее и гиены — самая большая из них завывала плачуще и вдруг понеслась огромными прыжками вдоль по оврагу, а следом за ней поскакала вся стая. Ушли?

— До здесь! — повторил голос. — До здесь скоро, нет время!

Еще рывок, изо всех сил, так, что мышцы скрутило напряжением, еще один — и вот верхний край оврага, и маленькая исцарапанная ладонь протянулась ко мне навстречу. Девчонка. Лет четырнадцать, одета чудно, не понял даже во что, на голове шляпа, в руке револьвер. Дальше оглядывать ее она мне не дала — крикнула прямо в лицо:

— Бегим! Гиены здесь за минута будут! — и потащила меня за собой, обалдевшего, махнув рукой куда-то в заросли: — Там пещера! Дудка дам!

— Какая, в пень, дудка? — почему-то обалдев от последней фразы, уже на бегу спросил я, но девчонка не ответила.

Она ловко скользнула между кустами, прикрыв локтями лицо, чтобы ветки не хлестнули, меня обдало каплями росы с ног до головы. Сразу за кустами я чуть не подвернул лодыжку — из травы тут и там торчали камни, причем густо так торчали. А за полосой зарослей, как выяснилось, сразу же начинались скалы — вполне такие нормальные, большие и каменные, заросшие лианами и прочей ползучей зеленью.

— Здесь! — крикнула девчонка, не оборачиваясь и ловко перепрыгивая камни. — Здесь беги!

Я поднажал, стараясь при этом не подвернуть ногу, и следом за ней влетел в расселину между двумя большими серыми камнями, за которой оказался вход в пещеру. Едва заскочив в нее, девчонка показала рукой куда-то в сторону, в темноту, крикнув:

— Закрой ход!

Я присмотрелся, часто моргая, но ничего не разглядел: там в углу, после яркого солнца снаружи, как чернил налили. Тогда, оттолкнув меня, она нагнулась, схватила что-то руками и с хрустом потащила по каменному полу. Когда свет от входа попал на ее ношу, я увидел, что она волочет большой куст с колпачками вроде того, в который я вцепился на входе, но посерьезней — такой бы мне ладонь насквозь проткнул.

Девчонка, уколовшись, чертыхнулась как-то странно, как и говорила, но куст прочно встал в проходе, загоразживая его. Затем обернулась ко мне и крикнула с заметной ноткой паники в голосе:

— Стрелять учен?

Хоть прозвучало странно, но смысл понятен без перевода. Неужто есть из чего? Хотя револьвер у нее...

— Учен, — в тон вопросу ответил я. — Хорошо учен.

Она как-то прищурилась странно, словно не до конца поняла, что я ей сказал, а затем вцепилась в рукав свитера и потащила меня дальше, в темноту, в глубину пещеры. Впрочем, темнота закончилась сразу за первым поворотом — дальше горела маленькая масляная, или вроде того, лампадка. И ее тусклый свет освещал сваленные в углу пещеры мешки и чье-то тело, накрытое с головой плащом, как покойников укрывать принято.

— Там бери! — крикнула она, указав на стоящее в углу ружье.

Я одним прыжком очутился возле оружия, схватил его, поднес ближе к свету. Опа... а я такое только в кино ви-

дел, про индейцев которое. Бронзовые бока ствольной коробки, такой же рычаг. Ствол восьмиугольного сечения с латунной фигурной мушкой, под ним стальная трубка длинного магазина. Дерево лакированное, цветом в глубокую красноту, на прикладе бронзовое клеймо — и такое же выдавлено на латунной крышке ствольной коробки, у зарядного окошка.

— Знаешь дудка? — спросила она вдруг.

— Дудка? — переспросил я, вздохнув глубоко, и передрнул рычаг. — Дудка знаю. Я все дудка знаю, мать их ети.

Из окошка выбрасывателя вылетел толстый желтый патрон с массивной пулей, обернутой с боков в тонкую латунь, с вогнутой головой. Я подобрал его, посмотрел внимательно. А неслабо, миллиметров одиннадцать-двенадцать, наверное, никак не меньше. И гильза длинная, уважение вызывает. Револьверного типа патрон, с закраиной, вроде сорок четвертого «магнума», но если таким бабахнуть, то мало не покажется. Там внутри дымарь, интересно?

Покрутил в пальцах, затем втолкнул его в зарядное окошко с правой стороны латунной ствольной коробки, где он и исчез, зажатый защелкой. Быстро пробежал взглядом по оружию... Курок? Похоже. Сначала отпустил его, немного прижав спуск, потом оттянул слегка назад, до щелчка. Полувзвод? Ага, а вот так опять взведен, а тут пимпочка справа бронзовая... предохранитель. Ага, разобрались с этим, не лопухнемся. Вон как девчонка смотрит настроженно. Ладно, в таких делах мы не лохи, пусть не думает.

— Сколько патронов там? — спросил я у девчонки.

— Восемь, — ответила она. — Полно. Здесь боле есть.

И точно, рядом с «винчестером», каким, несомненно, являлась винтовка, лежали на каменном полу пещеры кожаные наплечные ремни с подсумками и длинным рядом

латунных гильз в патронташе через плечо, не меньше двух десятков. Я подхватил ремни с пола, накинул на шею, услышав, как брякнули патроны внутри сумок. Значит, там еще есть. Живем! Теперь точно живем!

— Быстро надо! — крикнула девчонка. — Слышишь? Зажрут мы.

Действительно, от входа в пещеру доносился уже гиенный лай, мерзкий и визгливый. Что-то задумался я не по делу. Хотя... странно было бы не задуматься. Кому как, а я минут десять назад из московской квартиры вышел, к машине. А не к гиенам-переросткам. Странно вообще, что я еще о чем-то думаю, а не в глубоком обмороке лежу. А может, я с ума сошел и у меня бред такой? А почему нет? Сейчас мне чего-нибудь доктора вколют, и гиены развеются, как сон, вместе с девчонкой и пещерой.

— Скоро, скоро! — уже с отчаянием в голосе крикнула моя спутница.

Ладно, когда вколют, тогда и вколют, а пока отбиться надо. Наверное. Выглянул из-за поворота пещеры и столкнулся глазами с уже знакомой гиеной — той самой, с большими свежими шрамами на морде, которая, аккуратно ухватив зубами, отгаскивала застрявший в проходе куст. За ней никого не было, но рычание и лай доносились явственно: видать, остальная стая за проходом скопилась, чтобы своей товарке не мешать.

— Я те потягаю щас кустики-то... — пробормотал я, вскидывая винтовку к плечу.

Как мне показалось, животина успела сообразить, что ей грозит, потому что мгновенно бросила куст и рванулась назад из узкого прохода. Целился я ей прямо в морду, из чистой мстительности за свой испуг, но попал в шею. «Винчестер» тяжело грохнул под каменным сводом, меня толкнуло в плечо прикладом, хоть и не слишком впечатляюще, а тяжелая плоская пуля угодила зверю в шею,

вздувшись страшной кровавой раной. Я сразу же рванул рычаг вниз-вверх, вылетела гильза, патронник сочно проглотил следующий патрон, и в этот момент слева от меня дважды хлопнул револьвер, совсем жалко после моей артиллерии, глухо, как из-под подушки. Удерживала его девчонка двумя руками, вполне сноровисто, и попала тоже хорошо — две пули подряд угодили прямо в горбатую, покрытую грязными колтунами спину твари, залив шкуру кровью.

Вой снаружи одновременно усилился и отдалился.

— Уйдут? — спросил я девчонку, продолжая держать проход меж камней на прицеле.

— Можно, — кивнула она. — Однако и нет бывает. Нет, стой, дай ползти.

Она положила руку на ствол «винчестера», опустив его вниз, к полу.

— Почему?

— Стая зажрет, за мы забудет.

Я вновь поразились странности ее речи. Кто она? Балканы какие-то? Вроде немного по-болгарски звучит, или мне кажется? Вроде и свой язык, и не свой. И вообще она даже с виду странная, я таких не видел. Одеждой странная — в смысле не ходят так сейчас. Юбка до колена, с одной стороны длиннее, с другой короче, с запахом какая-то... кавалерийская, черт знает почему так решилось. Куртка узкая, из грубой ткани, шляпа на голове с черной ленточкой. Соломенная шляпа, как на старинных фотографиях, на канотье похожая. На ногах чулки плотные или колготки, не знаю, под подол не заглядывал, и ботинки высокие, со шнуровкой, на плоском каблуке. Станный наряд. И ткань непонятная, вроде... брезента тонкого или парусины, сам не пойму, крепкая ткань.

— Что смотрел? — спросила она меня.

— Да так... — покачал я головой. — Где я?

Действительно, при чем тут наряд? А все остальное это? Джунгли, скалы, гиены, балканский язык и старый «винчестер», который при этом новеньким выгладит, как с завода? Разбитый обоз, колея, где следы только от тележных колес и конских копыт — и ни одного автомобильного протектора? Так где я все же?

— А ты кто есть? — ответила она вопросом на вопрос.

А кто я? Кто? А я теперь и сам не знаю. Нет, знаю, но почему-то чувство такое, что скажи я ей «из Москвы» — она и будет так дальше смотреть, нахмутив брови и явно не понимая, о чем речь идет. А о чем она на самом деле идет, речь эта самая?

— Человек прохожий, — усмехнулся я своему собственному ответу. — Тебе не враг. В беду попал.

— За беда видно, — кивнула она. — Кровь на тебе. Голова.

— Знаю.

Она вновь удивленно посмотрела на меня, затем переспросила:

— Ведаешь?

— Ведаю, — опять подделавшись под собеседницу, ответил я.

Между тем продырявленная гиена поползла к выходу из прохода, медленно, явно подыхая, оставляя за собой кровавый след. Судя по отдаче, калибру и форме пули, достаться ей должно было сильно. Тут орудие серьезное, одним ударом и шокотом от него убить может. Сколько пуля весит? Граммов пятнадцать или больше? Может, и больше.

Я выдернул патрон из «бандольеро», осмотрел уже внимательно. Для револьверного длинный, при этом калибр этак сорок четвертый или сорок пятый, не меньше, если на глазок, маркировка на донце непонятная — буква «Р», и все. Гильза в длину сантиметра три с чем-то прикидочно, при этом снаряжен патрон не дымаем: от стрельбы

лишь легкое синеватое облачко в воздухе повисло. Так себе порох, если честно: если для бездымного — грязноватый, но и не дымарь. Да и по запаху их не спутаешь. А вообще патрон серьезный, кувалда прямо, только для дальней дистанции я бы такого пользоваться не стал, предпочел бы винтовочный.

Застегнуть на себе надо подвесную эту... вон как она на совесть сделана. Старые португалии напоминают, кстати, тоже кожа, только рыжая, на латунных колечках и пряжках. На плечах ремни широкие, дальше — уже, сзади буквой «У» расходятся на плечах. Подсумки тоже из толстой кожи, крепкой и надежной, с быстрыми клапанами, как на армейской пистолетной кобуре, на углы приклепаны уголки, как на старинных чемоданах, чтобы не протирались. На века сделано, солидно.

Снаружи донеслось рычание, причем не одной глотки, а вместе с ним — жалобный скулеж, перешедший в отчаянный визг и оборвавшийся. А затем разом, как взрыв бомбы, визг, лай, хрип, возня, хруст костей и треск раздираемой плоти. Прямо здесь, у прохода меж камней.

— Чуешь? — громким шепотом спросила девчонка. — Стая зажрала. Уйдут теперь, за мы ждать не будут.

— Хорошо бы, — кивнул я, втыкая патрон в окошко ресивера.

Впрочем, теперь, с винтовкой в руках и в укрытии, я чувствовал себя не в пример уверенней, чем на дороге — с пустыми руками да прямо перед стаей. Да еще среди кучи трупов. Трупов... девчонка-то откуда? Из колонны разбитой?

— На дороге... — сказал я, показав рукой в ту сторону и стараясь говорить медленно: — ... Там ваши? Ты с ними была?

— С они, — вздохнула она. — Убили все, никто не остался.

— Кто убил?

Она пристально посмотрела на меня, как на слабоумного, затем сказала:

— Негры убили. Кто тут убить может? Засада была. Обоз с товар шел, негры ждали. У иных ружья были, остальные рубили.

— Тут что, Африка? — спросил я, услышав о неграх и вспомнив о гиенах.

— Что? — явно не поняла она меня. — За что ты?

— Ну где я сейчас? — растерянно огляделся я.

— Не ведаешь? — удивилась она. — А как ты здесь?

— Не помню, — соврал я, решив не блистать рассказами про «яркий свет в машине»: не прокатят они тут. — Издалека я, а как сюда попал — не помню.

— На голове ранен, — кивнула она уверенно. — Мозги помялись.

— Ну да, типа того, — обрадовался я, убедившись, что скользкую тему мы обошли.

А мозги у меня и вправду «помялись», даже погнулись. Здорово мне по голове приложило — болит, зараза.

— Бога веруешь? — вдруг строго спросила девчонка.

— Верую, — уверенно кивнул я, хоть сам в этом сомневался глубоко.

— И крест есть?

— Был, — опять очень уверенно ответил я, потому что крестильный мой, на шнурочке, дома лежал, в столе, в маленькой коробке. — Но не знаю, где теперь.

Тут тоже не вру. Мне бы знать, где я сам теперь, не то что крест.

— Потерял или краден, — все так же уверенно ответила девчонка, кивнув своей мысли, а затем добавила: — Одетый странно. Ботинки какие богатые, и шерсть хороша в свитере. Чудно, что не взяли.

— Чудно, — кивнул я. — Но мог и просто потерять — не помню я.

— Говоришь странно, — добавила девчонка.

— Себя бы послушала, — ответил я, а затем спросил: — А там, в пещере, накрытый кто?

Она как-то вздрогнула, словно вспомнив, затем лицо ее скривилось некрасиво, словно вот-вот заплачет. Но не заплакала — закусила губу, удержалась. Затем ответила:

— Отец там. Убили его.

Прозвучало глухо. Даже как-то равнодушно. Так бы и подумал, если бы ее лица не видел. Сильный ребенок, уважение вызывает.

— Его ружье? — спросил я, приподняв «винчестер».

— За его, — кивнула она. — Пусть тебе будет. За меня оно сильное и тяжелое, мне револьвер хватит.

Она показала мне свое оружие. Я присмотрелся, затем попросил в руки. Чиниться она не стала, протянула ствол мне. Покрутив его в руках, заключил, что даже гадать не надо, откуда ноги растут у конструкции: это классический британский «уэбли» с переломной рамой. Даже не «уэбли», а «энфилд». Тот же граненый ствол, выполненный с передней частью рамы заодно, только короткий — сантиметров восемь в длину.

Не спрашивая разрешения, открыл стопор, выкинул гильзы и патроны из барабана, присмотрелся. Калибр не меньше десяти миллиметров, это точно, но гильзы довольно короткие, под небольшую навеску пороха. Да это и по барабану видно: длинный патрон в него не влезет. С пробиваемостью слабо, а вот с останавливающими способностями все в порядке должно быть. Пуля-то вон какая, спереди с выемкой и тяжеленная.

Зато видно, что игрушка дорогая. Металл прекрасный, рукоятка, кстати, довольно современной формы, костью отделана, по металлу инкрустация. И надпись: «За Вера, моя дочь, на четырнадцать лет. Папа».

— Ты — Вера? — спросил я.

— Вера, — кивнула девчонка, протягивая руку за оружием. — А ты?

— Алексей, — ответил я, отдавая револьвер.

— За кого крещен? — уточнила она.

Ну ты скажи... Это здесь принципиально? А «здесь» — это где?

— Уже не помню, — отмазался я от неудобного вопроса и сам перехватил инициативу: — А где я все же?

— На Берег Змеи, его километров от Нова Фактория, — ответила она, уже не удивляясь и попутно ловко вставляя в барабан два патрона. — За товар с обоз ходили, а на обратен путь напали.

Черт, что за язык у нее странный такой? Никогда подобного не слышал. А по акценту — самая что ни на есть русская, те же болгары с сербами по-другому звучат. Да и внешне — курносая, голубоглазая, скуластая, белокожая, две русые косички из-под шляпы. А она меня не всегда понимает, это заметно. Кстати, а что это за Берег Змеи такой? Берег скелетов слышал, Берег Слоновой Кости — тоже слышал, даже Берег Берцовой Кости в каком-то анекдоте встречал, а вот Змеи — ни разу. Все же Африка, если негры?

Рычание на улице понемногу затихало, но хруст костей доносился до нас явственно. Кстати, а не оборзели они там, жравши? А не стрельнуть ли мне еще одну-другую, а? Исключительно в порядке мести за испуг и изрезанные об осоку руки.

— Схожу, — сказал я, поднимаясь с колен. — Гиен прогоню.

— Не надо гонять, — покачала она головой. — Так зажрут и уйдут, а если ты еще гиена стрельнешь, то останутся. Пока не зажрут — уйти не смогут. Тут ждем.

Ну что, тоже логично. Мог бы и сам дотумкать до такой простенькой мысли. Дураком, наверное, в ее глазах выгляжу? Да уж наверняка, косяк за косяком леплю. Минут

пять сидели молча, прислушиваясь к звукам снаружи. Затем девчонка вновь спросила:

— Откуда ты есть?

— С севера. Издалека, — ответил я, подразумевая, что Москва точно далеко на север от Африки, в которой мы сейчас наверняка.

— А как сюда пришел? — снова спросила Вера.

— Я не помню, — вздохнул я, опять не наврав ни на йоту. — Помню, как из дома выходил, а потом помню, как гиен на дороге увидел.

— Я к дороге ходила смотреть, увидела, как ты бежал, — сказала она. — За одна здесь страшно, увидела одежду, лицо — не негр, стала звать.

«За одна здесь страшно»... Я если бы даже захотел, точно так фразу построить не сумел.

— А ты сама откуда? — спросил я. — Издалека?

— От остров Большой Скот, город Бухта. Бывал? — уточнила она.

— Нет, не бывал, — покачал я головой. — Не довелось.

— Надо отец захоронить, когда гиены уйдут, — сказала девчонка. — Помогает?

— Помогаю, конечно, — кивнул я. — Ты меня спасла, так я в долгу. Да и не знаю я, куда потом идти, без тебя не справлюсь.

— Со мной иди, — легко предложила она. — Я теперь одна, ты один. От отец ружье осталось, еда, шляпа. Пойдем вдвоем до Нова Фактория, там меня шхуна ждет. Дobre стреляешь?

— Стреляю добре, за это не бойся, — кивнул я и усмехнулся: — За охрану при тебе пойду, беречь буду.

Сказал я это вполне искренне, не зная даже сам, насколько я предугадал будущее.

— Это хорошо, — серьезно согласилась она. — В Нова Фактория скажу, что отец тебя мне в охрану нанял, а ког-

да негры напали, они тебе мозги помяли и ты память потерял. Когда встал, все мертвые были.

— Где нанял? — уточнил я, чтобы потом впросак не попал.

— А что ты здесь знаешь? — спросила Вера.

— Ничего.

— Тогда на торг с неграми он тебя нанял. Из другой обоз, не из Нова Фактория. А теперь ты не помнишь. Дом помнишь, меня помнишь, а как из дома до этот край дошел — не помнишь. Так?

— Так, — подтвердил я, а затем сам спросил: — Отец у вас в обозе главный был?

— Так, — кивнула Вера. — Он купец был, его был обоз и его товар. И шхуна, что в Нова Фактория ждет, тоже его.

— А мать? — спросил я.

— Мать умерла, — вздохнула девчонка. — Родами. Теперь дядя с тетка остались, за отцов брат. Он на Бухта сейчас есть. Дядя теперь за главный будет.

Опять воцарилось молчание, но от входа в пещеру мы не уходили — звуки, доносящиеся снаружи, к этому не располагали. Я взялся вновь рассматривать винтовку. Это только поначалу показалось, что она старая, стереотипы сработали. И не старая вовсе, а новая вполне, воронение на гранях ствола даже не потерялось. Затем открыл еще нечто интересное — на ней не было серийного номера. А у оружия, по крайней мере мне знакомого, так не бывает. А тут только клеймо из переплетенных букв «М» и «Р» на бронзовой бляшке, вдавленной в приклад. Ну и на стенке ресивера. На прикладе, если присмотреться внимательно, надпись выжжена, какую почти не видно из-под темного лака: «Мне отмщение и Аз воздам». Богохульство какое-то, а для девчонки существенно, в честь кого я крещен. Странно.

А вообще похоже, что винтовка — товар штучный, работы некоего мастера. Не фабричная, целиком,

по крайней мере, хотя... качество очень на высоте. Очень. Да и револьвер у Веры тоже такой — инкрустация промышленной не бывает, и кость на рукоятке — все же не дерево и не пластик.

«Винчестер» без номера, Африка, причем место такое, о каком я вообще не слышал, девчонка со странным русским языком с острова Большой Скот, из города Бухта, о каких я не слышал тоже, а география мне всегда интересна была. И шхуны у нас если только туристов катают в экзотических местах, а не купцов. Тогда опять вопрос: где я? Нет, пока тут буду сидеть, ничего не узнаю, а девчонку дальше расспрашивать — только напугаю. Ну как я объясню ей, как здесь очутился, если сам не знаю, и даже не знаю, где я вообще? В каком мире?

— Дорога к Новой Фактории ведет? — спросил я.

— Тут одна дорога, от Нова Фактория до Торг, — пожала она плечами. — Так на ней и пойдём, только на негры не попасть.

Я кивнул, затем пересчитал патроны в бандольеро. Восемнадцать штук. Открыл подсумки на поясе — и нашел в них еще почти три десятка. Негусто, если на мой взгляд, только я привык в боекомплектах к «калашу» мерить, а как тут принято — черт его знает. Тут вся подвесная на шестьдесят патронов рассчитана, если внимательно посчитать.

Негры... Еще она сказала, что у некоторых ружья были. А трупы как — топорами рубили на дороге или мечами? Дикари? Наверное, дикари, кто же еще.

— А чем отец торговал? — спросил я.

— За сок от черна ягода ходил обоз, — ответила она, сделав все еще непонятней.

— А зачем он нужен? — спросил я, надеясь, что не сморозил полную глупость, и явно ошибся в ожиданиях: сморозил.

Вера посмотрела на меня с подозрением, затем вздохнула, вспомнив, наверное, что у меня «мозги помялись», и ответила:

— Краска для ткань с чего делается? И красная, и синяя. Большая торговля с этот сок, отец на три остров торговал и даже в Кузнецк возил.

Опа, знакомое что-то... Хоть и не Новокузнецк, но все же...

— А где Кузнецк есть? — спросил я, уже совсем на девчонкин манер построив фразу, сам того не заметив.

— На Большой остров, — пожала она плечами. — Где Железна Копь и Домна. Не ведаешь?

— Нет, не ведаю, — ответил я.

— Откуда вы тогда железо берете? — спросила она совсем удивленно.

— У нас там свой Кузнецк есть, только Новый, — ответил я.

Она лишь кивнула, удовлетворившись ответом. Затем вдруг сказала:

— Гиены ушли.

Я прислушался — верно, тихо снаружи, разве что птицы орут. Здорово орут, кстати, я такой гвалт только в Таиланде слышал. И не только птицы, похоже, но и обезьяны где-то скандалят.

— Ты — главная у нас, — польстил я ей. — Говори, что делать надо.

Она ролью «главной» не смутилась, сказала:

— Надо отец похоронить за обычаем. Чтобы зверь не откопал. Думай, как сделать, в лес копать глубоко трудно, камень там.

— Ты эту пещеру как нашла? — спросил я ее.

— Это тайная пещера, — ответила Вера. — Ее отец знал. Здесь иногда товар прятали, а когда негры напали, он меня

сюда ташил. Но он ранен был, здесь умер. Я больше день с ним сижу, боюсь выходить.

Говорила она об этом все тем же глухим голосом, за которым, если прислушаться, слышна была страшная боль.

— А почему не погнались за вами?

— Зачем им? — пожалала она плечами. — Они людей убили, а товар взяли. Теперь другому купцу продадут. Сок от черна ягода — хороший товар, если бы негры знали, сколько за него на острова дают, год бы плакали за то, что такие глупые. А за отец гнаться опасно, он стрелял. И они на нас стреляли, отец ранили.

— Понятно, — кивнул я. — Выгляну наружу.

Вера лишь кивнула, а я, держа «винчестер» на изготовку, пошел к выходу, стараясь ступать как можно тише. Но все предосторожности были излишни — гиены ушли. От съеденной остались лишь разбросанные кости, обглоданные почти начисто, и клочки шерсти. С аппетитом схарчили, видать. Странно это, не слышал про такое никогда, чтобы хищники в стае каннибализмом занимались, в то время как у них жратвы море. Вон вороны и еще какие-то падальщики на дороге орут так, что оглохнуть можно: избытие у них.

Огляделся. Духота ужасная, градусов сорок сейчас, наверное, и влажность зашкаливает — прямо как в парилку зашел. Все вокруг мокрое, волглое, под зеленой травой красная земля раскисает под подошвами. Если бы не трава, то на ботинок пудами бы налипало. Такие фокусы с грязью мы по другим местам знаем, проходили.

Зато камней много со скал осыпалось, просто грудами лежат. Порода какая-то слоистая, вот и сыплется. Можно отца Вериного прямо в пещере захоронить, если камней натаскать. Поработать хорошенько — и ни одна тварь не откопает. А я ему обязан все же. И спутницей,

и винтовкой, да и просто жизнью. Надо платить по счетам — такие долги не годится делать, если себя человеком считаешь.

Все же прошел ближе к дороге, через заросли. Крался осторожно, боясь лишнюю ветку шелохнуть. На самой верхушке склона присел, замерев. Гиены совсем ушли, на трупах пировали птицы. Зато в таком количестве, что тел под их черными растрепанными тушами и видно не было. Орали, дрались, толкались, взлетали и садились. Над местом побоища их еще летало дикое множество, кружась воронкой, как чайники в перемешанном чае. И какая-то здоровая серая ящерица рвала куски мяса прямо из брюха павшей в постромках лошади, засовывая туда голову чуть не до середины шеи, отчего ее голова была покрыта кровью как краской. Тьфу, мерзость какая.

Но вроде никто больше на нас нападать не собирается. И не надо. У меня и так мозги помялись, и вообще я ничего не понимаю. Понимаю, что попал куда-то не туда, а больше ни во что пока не въехал. Ладно, пойду с Верой пока пообщаюсь.

В пещере после духоты леса было студено, как в холодильнике. И темно — опять глаза отвыкли. Если бы не плоская масляная, которую Вера переставила, то точно бы башку расшиб окончательно о выступ на потолке — он как специально для меня здесь придуман был, чтобы расслабляться не давать. А так в последнюю секунду увернулся все же.

Вера сидела на корточках рядом с накрытым плащом телом, копалась в сумках.

— Это от отец ранец, — сказала она, похлопав большую кожаную сумку по крышке. — Возьми себе, посмотри, что сгодится. Если меня охранишь в пути, отец не обидится.

— Надеюсь, — вздохнул я, придвигая к себе увесистый ранец.

В этом плохого нет, девочка права. Ранец, как и подвесная с подсумками, поражал серьезностью изготовления. То, что руками был сделан, бросалось в глаза — строчка не машинная, а кожу шилом прокалывали и дратвой сапожной сшивали. Края всего обшиты кожаной тесьмой дополнительно, все пряжки массивные, из литой латуни. Чтобы спина не потела, изнутри ранец был подбит какой-то шкурой с упругим кудрявым мехом.

Сбоку к нему прикреплены были широкие ножны из толстой кожи, из которых высовывалась отполированная деревянная рукоятка. Я потянул, и в руках у меня оказался, тускло блеснув синей сталью, здоровенный и тяжелый, расширяющийся к концу на манер ятагана мачете. Или это ятаган и есть? Больно уж похож, да и выделка такая — не для простого инструмента... Или он и для зарослей, и для голов? Все может быть. Раскроить череп до шеи вмах можно такой штуковиной.

С другой стороны к ранцу был привязан гамак, обычный, веревочный, намотанный на две легкие бамбуковые палки. Снизу, свернутое в скатку, на ремнях было прикручено грубое шерстяное одеяло, оно же подстилка, как я понимаю. Это хорошо — понятно, на чем спать теперь. Гамак промеж деревьев, и одеялом накрыться.

Внутри рюкзак был разделен пополам перегородкой из толстой кожи. С левой стороны хранился сухой паек — вяленое мясо, какие-то батончики с орехами, пахнущие медом, сухари. Вода?

Я огляделся и увидел у стены пещеры две большие фляги с ремнями для ношения через плечо. Взял одну из них, потряс — наполовину пуста как минимум. Вторая же оказалась налитой под пробку. Заметив мои действия, Вера сказала:

— На сто шагов от это место родник есть. Перед дорога нальем.

— Понял.

Во втором отделении оказались какие-то кожаные футляры и жестяные коробки. Открыл футляр и обнаружил в нем пару десятков стреляных гильз. Ага, тут переснаряжают... Покатал гильзы на ладони, удивился, какая толстая латунь на них пошла. Некоторые из них, как бы даже не все, уже по несколько раз переснаряжались, судя по следам на дульце. Револьверные по калибру совпадали с винтовочными, но были покороче.

Нашлись две жестянки с порохом, приклепанные друг к другу. Порох был похож на кривовато и мелко нарубленную китайскую лапшу, только бурого цвета в одной банке и почти желтого в другой. Тоже кустарный, судя по всему, но хорошо, что хоть не дымарь. На одной банке «Р» выдавлена, а на второй — «В». Так... а пороха в них разные для револьвера и карабина, получается. Это правильно, пистолетные пороха горят быстро — затем пуля в канале длинного винтовочного ствола тормозиться будет, — а винтовочные, наоборот, медленного горения. И скорость пули нарастает с ростом давления. По уму.

Потом нашлись две пулелейки на разные калибры, похожие на щипцы для орехов, каждая на две пули. На одной стояло клеймо «11 мм/В», на второй — «11 мм/Р». Ага, значит, для винтовки и револьвера... или «винчестера»? Ладно, потом разберусь. Нет, «Р» — для револьвера явно: пуля другая, покороче чуть-чуть. Понятно, калибр один, но пули разные, для карабина тяжелее, и навеска в карабин пойдет больше наверняка. Разумно. Но при желании в карабин можно револьверные патроны заряжать, насколько я понимаю. Ладно, проверю потом.

Имелись и брусочки свинца, явно с какой-то примесью — сурьмы, наверное, потому что он был твердый. Из всего найденного — вывод: пули тут принято лить самостоятельно. И коробочка капсулей нашлась, непри-

вычно крупных и не очень ровных, явно выбитых вручную из медного листа и вручную же оснащенных. Осталось только главное — навеску пороха узнать, и тогда я сам снаряжать смогу. Это вообще знать полезно, если беды не хочешь.

Однако и эта проблема оказалась несущественной: местным стрелкам не до манипуляций с весами было, так что нашлись и мерки для пороха — я их просто не заметил поначалу. Живем. Спасибо тебе, убитый купец.

Была книга в промасленном кожаном переплете, без названия, но с выгисненным на обложке белым крестом: Евангелие. Правда, толстая какая-то, на мой взгляд. Я бегло полистал и обнаружил, что язык нормальный, какой здесь принят, не церковнославянский никакой. А затем подумал, что почитать на досуге не помешает: что-то здесь у людей с религией пунктик имеется. Не накосячить бы между делом, по простоте и наивности.

— Здесь одежда, — сказала Вера, придвигая ко мне небольшой узел. — Свитер твой весь на кровь испачкан, и жарко. Тут рубаха есть, возьми. Отец высокий был, как ты, подойдет, наверное. Шорты чистые, шляпа. Он не надевал, это все в запас было. Ты почему без бороды?

— Что? — не понял я.

— Борода, — повторила она и даже изобразила что-то рукой у своего круглого подбородка. — Мужчина носит борода, как его создал Всевышний. А у тебя нет.

— У нас принято так ходить, — пожал я плечами. — Многие с бородой ходят, другие — без бороды.

Она посмотрела на меня с подозрением, явно пораженная таким легкомыслием. Видать, еще и про отсутствующий крест вспомнила.

Так и есть, угадал, даже смешно стало. Она наклонилась ко второму ранцу, поменьше, и вытащила оттуда скромный латунный крестик на веревочке.

— Надень, — сказала она. — Это мне в школе дали, когда закончила. Потом отдашь, когда себе новый купишь. Нельзя без крест. Проклятие тому, если кто украл у тебя.

При этом она ненавязчиво подтолкнула ко мне добротную соломенную шляпу со слегка висячими, неширокими полями, по форме напоминающую панаму. Я понял, что это она не просто так делает, а заодно вспомнилось мне, что в старом кино американском даже обедали люди в шляпах. И надпись, на одной синагоге виденная: «Граждане евреи, просьба посещать синагогу с покрытой головой». Не мудрствуя лукаво, я взял шляпу и надел, чуть сбив ее на затылок. Вера заметно успокоилась. Точно, есть какой-то косяк в том, чтобы без шляпы ходить.

— У нас принято шляпу снимать, если дама заходит в комнату, — сказал я. — А у вас?

— Снимать надо, — кивнула она. — Поклонись — и надень. А борода ты лучше вырасти, иначе люди плохим глазом смотреть будут.

— Это я уже понял, — кивнул я. — Все равно бритвы нет.

— Бритва у отец на ранец есть. И парикмахер брить может, — ответила она. — Если ты борода не любишь, можешь маленький носить, так многие делают, особенно молодые. Не всем большая борода нравится, и девушки не любят. — При этих словах она чуть застенчиво улыбнулась. — Тебе сколько лет?

— Тридцать пять, — ответил я. — А тебе?

— Мне пятнадцать. Ты посмотри, посмотри ранец, за отец это уже не нужно. А нам с тобой далеко идти.

Я не поленился, перебрал все, что было в ранце. Действительно много полезного нашлось, даже большая аптечка. Правда, что там внутри, я так и не понял, разве что бинты разглядел и какие-то жилки с иголками, наверняка для хирургии. А содержимое многочисленных крошечных флакончиков из толстого стекла осталось для меня

загадкой. Впрочем, Вера меня сразу успокоила — сказала, что знает, что в каком хранится. Ну и хорошо. Нашелся еще набор инструмента в кожаном футляре и другие полезные мелочи. Вера терпеливо дожидалась, когда я закончу, после чего спросила:

— Как хоронить будем?

Я рассказал ей, что мне придумалось. Она кивнула, после чего сказала:

— Здесь рядом маленькая пещера есть, прямо для могилы. Там похороним. А в этой еще ночевать сможем.

Это правильно: по солнцу глядя, уже к полудню, пока камней натаскаем, да по такому зною и духоте, так и день пройдет. И чего ждать? К делу.

Присел рядом с покойным, откинул плащ с него. Молодой, меньше сорока ему было. Борода короткая, лицо приятное, дочь на него похожа. Глаза закрыты, выражение спокойное. В груди дыра от пули, рубаха такая же, как та, что Вера отдала мне, кровью пропиталась. На боку кобура из тисненой кожи, из нее изогнутая рукоять револьвера торчит. На другом боку нож в ножнах. Значит, по обычаю с оружием хоронят? А что, и верно, если боец.

Тело заоченело, и завернуть его в плащ оказалось трудно, но Вера помогла. Справились. Хоть и не гроб, но прикрыли человека достойно. В чем камни таскать? Тут вспомнились мне распоротые мешки, без счета валяющиеся на дороге. Схожу.

Расслабляться не стал и, прежде чем спуститься вниз, в облако трупной вони, минут пять следил из кустов, но никаких гиен или неизвестных мне «негров» не обнаружил. Скользя ботинками, спустился по склону прямо к перевернутому фургону, засел за ним, выглядывая. Единственное, чего добился, — это того, что мухи взлетели с трупов облаком и вороны и закружили вверху, стараясь пересорать друг друга и нагадить на меня.

К счастью, мешки выпотрошили и до меня, зачем — не знаю. Осталось только схватить два больших дерюжных и броситься по дороге наутек, а то дышать становилось уже трудно. Заодно и выяснил, как гиены добежали до пещеры: склон оврага метров через сто становился уже пологим. По уму засаду устроили обозу — там ему вообще деваться некуда было.

Затем мы таскали камни, руками набрасывая их в мешки. Таскали к маленькой пещерке, скорее даже к расщелине между смыкающимися сверху камнями, и там высыпали. Вскоре Вера из сил выбилась, и я усадил ее караулить, продолжив работу сам. Таскал мешок за мешком, пока оба не прорвались и гора щебня у пещеры не выросла чуть ли не мне до пояса.

Закапывали мертвого купца долго, тщательно, так, чтобы никакая тварь не добралась. Оставшееся место между камнями забили колючим кустарником, нарубив его впрок. Затем Вера прочитала над покойным молитву, а я шляпу снял. На том церемония и закончилась. Стрелять в воздух побоялись.

С похоронами мы закончили к вечеру, часам к семи. До того державшаяся Вера расплакалась и осталась сидеть у заваленной камнями крошечной пещерки, подняв колени и уронив голову на руки. Я не стал ей мешать, но и бросать одну побоялся, поэтому вскарабкался на камень поблизости, откуда за ней и присматривал. Вновь к закату разорались птицы, сумерки становились все гуще и гуще. При этом я отметил, что очень уж они здесь длинные. Для тропиков это нетипично — там ночь как занавес в кинотеатре падает, почти сразу.

Когда наступила уже полная темнота, я осторожно взял девочку под руку и отвел в пещеру, куда успел натаскать валежника и где мы хоть и не без труда из-за влажности, но развели небольшой дымный костерок.

Потом мне удалось ее немного разговорить. Странности ее речи уже переставали удивлять, да и я учился подражать ей прямо на ходу — ничего сложного в этом не было. Был это обычный русский язык, только упрощенный какой-то, на манер английского подчас: «кто он есть?» — и так далее. А иногда на болгарский похож. Так что можно смело рассказывать без «поправок на ветер».

Где я оказался — загадкой так и оставалось, и я решил эту тему слишком не форсировать. Потом разберусь, раз уж мы вдвоем к цивилизации двинем. Там все куда понятней станет.

Плонув на стеснение, надел одежду, оставшуюся от покойного, — рубаху из толстого и плотного полотна, с костяными пуговицами и накладными карманами с клапанами на груди, и длинные, ниже колена, прочные шорты из парусины, на широких полотняных помочах, тоже со всех сторон в карманах. Станный стиль — какая-то смесь британского колониального и американского фермерского, да и от современного мне что-то имеется, хотя бы длина и изобилие разных карманов. Нашелся в одежде свитер грубой вязки из некрашеной шерсти, парусиновая куртка с капюшоном вроде штормовки, кажется, даже прорезиненная, и три пары классических «семейных» трусов из простенького ситца, только при этом еще и ярко-красного цвета. Ну и носков вязаных стопка.

Ботинок запасных у покойного не было, но тут и мои по виду вполне подходили, из рыжего нубука. Я ведь как раз для дачи и леса одевался, когда из дома бежал.

Свои загвазданные кровью джинсы и свитер я снял, затолкал в узел с одеждой, который прикрепил к ранцу. В шортах и новой рубахе, заправленной в них, оказалось неожиданно удобно, а подвесная с подсумками ловко устроилась на плечах с подстежкой — так все продумано. Шляпу тоже не забыл и старался теперь вообще не сни-

мать, чтобы привыкнуть. Хорошо, что соломенная: хоть воздух через нее проходит.

По ходу дела еще днем, когда рубил колючие кусты, дополнительно пару таких сюда притащил. И теперь затолкал их в проход вместе с тем, который был раньше, стараясь сделать так, чтобы без труда и шума их уже не вытащить было и через них не перебраться. Пробкой встали. Думаю, что с ней и караул будет не нужен: все равно без шума не одолеть. Если только люди не нагрянут, конечно, — те самые негры, например. Но у меня к вечеру голова совсем плоха стала, болела так, словно в ней кто-то с отбойным молотком развлекался, поэтому я решил рискнуть и спать до утра. Тут падали много поблизости — не думаю, что кто-то с военным походом пойдет: опасно. Или мне просто так кажется. Но плевать, пусть хоть убивают, нет мочи терпеть.

В общем, так и легли спать, укрывшись одеялами. И проспали как раз до самого рассвета.

* * *

Разбудил меня отчаянный птичий гомон — такой, что в ушах зазвенело. Осторожно прокрался к выходу, выглянул и ничего подозрительного не обнаружил, разве что на останках гиены пиновала огромная толпа рыжих муравьев, объев кости практически наголо: даже хрящей на них не осталось. Что значит джунгли — утилизация ускорена до предела. Круговорот материи в природе осуществился прямо на глазах. Осталось только муравьев птицам склевать и в виде помета выкинуть, чтобы травка росла, значит.

Вера тоже зашевелилась, откинув одеяло, посмотрела на меня сонно. Затем спросила:

— Пойдем теперь?

- Теперь пойдем, — кивнул я.
- Как голова твоя?
- Нормально, ничего страшного.

Голова болела неслабо, но болела именно в месте ушиба, сама рана болела. А сотрясение вроде как никакими симптомами меня сегодня не дарило. Ни тошноты не было, ни в глазах не двоилось. Правда, отчаянно щипало ладони, изрезанные вчера о траву и кустарник, но это было терпимо.

- Ты говорила, что родник есть? — уточнил я.
- Верно, есть, — сказала девочка, откидывая одеяло. — Сейчас соберемся и туда пойдем. Умыться хочется.

Она выглядела вполне деловой и готовой к походу. Вчерашние похороны состоялись — и во вчера остались. Черствость? Сомневаюсь. Что-то мне подсказывает, что тут мораль совсем другая. В тех местах, где негры обозы купеческие грабят и это рассматривается как стандартный риск, вероятность погибнуть куда выше, чем у нас в Москве. Ну если только не лезть куда не надо, как я в свое время. Но это уже добровольный выбор. Мы всегда делаем свой выбор и за его последствия отвечаем. А у Веры, как мне кажется, особого выбора нет — другие у нее места и времена, и где смерть — обыденность, там и отношение соответственное. Живые должны жить, чтобы просто идти вперед. Что мы сейчас и сделаем.

Я хотел помочь ей собрать вещи, но она отрицательно покачала головой и почти мгновенно упаковала свой рюкзак — на тот же манер, каким был собран мой. Я заметил, что у нее и мачете имеется, но поменьше и полегче, не как у меня. Или это ятаган?

- Как это у вас называется? — спросил я, показав на нож.
- Мачете, — просто ответила она. — У вас есть такие?
- У нас рубить ими нечего, — усмехнулся я.

— Странно, — удивилась она, — а биться?

— Биться и другие способы есть.

Ответ ее удовлетворил, и она замолчала, сосредоточенно подгоняя на себе ремешки снаряжения.

Ну вот, так я и думал: такое лезвие не может быть только для лиан. Тут и конец заостренный, ткни кого — и проткнешь насквозь, да и изгиб такой... наводит на мысли. Я вновь вытащил лезвие из ножен, прикинул в руке... да. Неплохо. Даже я, никогда в жизни никаким фехтованием не занимавшийся, смогу такой штукой так рубануть, что мало точно не покажется. Покрутил да и закинул его на место.

— Алексей, — окликнула меня она.

— Ась?

Она протянула мне маленький парусиновый кисет, оказавшийся заметно увесистым. Я открыл его, заглянул внутрь и обнаружил там горстку монет.

— Это что? — не понял я.

— Столько купцы платят хорошему охраннику, — сказала она серьезно. — За поездку с обозом и за охрану самих себя. Здесь три червонца, из которых один серебром. Ты взялся меня охранять до Новой Фактории, и это оплата.

— Не надо, — сказал я, пытаясь отдать кисет обратно. — Я все равно с тобой иду, и вот это все ты мне дала.

Я похлопал свободной рукой по дереву приклада.

— Все равно возьми, — сказала девочка. — Придем в город, тебе плохо будет совсем без денег. Это честная плата. Отец бы заплатил, и я заплачу, в этом нет дурного. А ружье и остальное... Лучше было бы, чтобы здесь осталось?

— Наверное, не лучше... — ответил я, убирая кисет в карман. — Ну спасибо. Впервые у меня наниматель такой молодой.

— А кем ты раньше был?

— Раньше? — усмехнулся я. — Был в солдатах. Был в охранниках.

— Солдатах? — не поняла она сначала, но затем закивала: — Слышала о солдатах, они в Кузнецке есть. А в охранниках у кого?

— А у тех, кто просил и платил, — ответил я. — Мы вроде как по найму были. Сначала сам охранял, потом другими командовал.

И тут не соврал. Разве что ЧОП наш как «охранная фирма» работал меньше всего — скорее, другими делами занимались. Но ей это знать необязательно.

— Ну видишь? — улыбнулась она. — Нас сам Всевышний свел в этом месте. Меня охранять надо, я девушка и одна. А ты вот — воин и охранник. И от отца ружье осталось как специально. Ты в судьбу веришь?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Пожалуй, что верю. Наверное, без судьбы не обошлось.

Тут не только без судьбы, тут черт знает без чего не обошлось на самом деле, иначе как я здесь оказался? Но будем считать, что судьба тоже руку приложила, а не судьба — так удача. А если бы не вышла Вера из пещеры посмотреть? Съели бы меня гиены, да и все. Или в другом месте меня бы выкинуло. Откуда выкинуло-то, кстати? А я и не знаю. Но выкинуло удачно, спорить не стану. Густой населенностью эти края тоже поражают, как мне кажется, мог где-то посреди леса оказаться, да там и пропасть. И даже такая вещь: судьба, лишив меня того оружия, которое было с собой, как-то сразу одарила новым, словно взамен. Не странно ли?

— Пошли? — спросил я ее, делая шаг к выходу из пещеры.

— Пошли, — кивнула Вера, шагнув следом.

Утро в джунглях не было еще жарким, но было уже душным, как в остывшей за ночь бане. Резкий запах све-

жей зелени, прелой листвы и каких-то ярко-оранжевых цветов, которыми были усеяны выющиеся над входом в пещеру лианы, — все смешалось и било по обонянию как молотом. Птицы орала, уже сверчали какие-то насекомые, а кости гиены были обожраны муравьями окончательно и красовались из травы невероятной белизной и чистотой. И даже трупного запаха почти не было — нечему было вонять. И муравьи почти исчезли. Интересно, до дороги, где куча падали, они себе трассу проложат?

— Туда, — показала Вера на скалу, перекрывавшую вид. — Обойдем — и там родник будет.

Так и оказалось: мы не больше ста метров прошли. Правда, вымокли за это время в росе по колено. Не зря обозники эту пещеру приметили: вода совсем рядом — великое благо для устройства лагеря. Но воду я сначала услышал, потому что перед глазами стояла сплошная стена зелени, и откуда-то из-за нее доносился плеск.

Вера ловко выдернула из-за плеча мачете и его острием аккуратно раздвинула лианы. Я отметил про себя осторожность ее движения. И подумал, что это не зря, наверное. Пусть я в джунглях был всего полдня и туристом, но то, что в них полно всякой вредной живности, я запомнил. А почему бы здесь, в лианах, змеям не быть или паукам каким ядовитым? Ох, учиться мне теперь и учиться.

Кстати, надо будет посохи срубить. Дорога нас ждет дальняя, а заодно и пешая, — лишними не будут. А от змеи длинная палка так и вовсе лучше некуда.

— Вера, а змеи здесь есть? — спросил я, вынимая свой мачете и аккуратно пробираясь мимо висящих веревок лиан.

— Конечно, много змей есть, — кивнула она. — В траве аккуратно надо, и вообще в заросли не лезть.

За завесой лиан нашему взору открылся вид на маленький водопад, срывающийся с десятиметровой примерно

высоты. Скалы, что лежали перед нами и в которых была пещера, где мы прятались, по всему виду, были краем какого-то плато. И по этому плато тек ручей, срывающийся здесь в чашу метров пятнадцати в поперечнике, потерянную среди джунглей.

— Видишь как? — спросила она, явно гордясь собой, словно она сама тут все организовала. — И вода здесь чистая, с гор течет, пить не страшно. В лесу такого нет, почти все речки — зараза.

— Здорово, — согласился я, снимая с плеча большую флягу на ремне. — Наполним?

— Давай, — сказала Вера, повторяя мой жест. — Потом помыться мне надо.

— Помыться никогда не грех, — согласился я с ней.

И про себя добавил, что в походе так и вдвойне. И потеет человек, и грязь собирает, и спит в одежде. Не найдешь способа мыться или протираться чем-нибудь регулярно — гнить начнешь.

Когда до мытья дело дошло, я немного удивился — Вера начала раздеваться у меня на глазах и, только почти уже оголившись, все же попросила отвернуться. Не то чтобы я о чем предосудительном — ребенок она еще, и мыслей таких не было, — а я о том, что не очень это с набожностью сочетается. На мой взгляд, по крайней мере. Мне всегда казалось, что если где очень много веры, то там и много всяких «нельзя». И девчонке-малолетке заголяться перед мужиком нельзя вдвойне.

Ну да ладно, мне так и проще, наверное, если нравы свободные, а то лишь накосячу больше в будущем. Я себя знаю, равно как и простоту свою, неуместную подчас.

Девчонка плескалась у меня за спиной, повизгивая от холодной воды, причем, надо ей должное отдать, долго плескалась. Лишь минут через десять зашлепали мокрые

ноги по камню, и дрожащий голос сквозь стук зубов проговорил, с трудом выглатывая слова:

— Х-х-хол-л-лод-дно-о...

— Ну а чего ты хотела? — даже удивился я. — Родник. Можно поворачиваться?

— Ага...

Я обернулся, глянул на нее и даже засмеялся. Губы у Веры были синие, дрожащие, зубы стучали так, что я отсюда слышал, мокрые волосы прилипли к лицу, а сама она завернулась в одеяло, стараясь согреться.

— Осторожней надо, — прокомментировал я то, что увидел. — Ладно, теперь ты отворачивайся и меня охраняй.

Затем я сам смог оценить, насколько она не соврала: вода была ледяной. Даже не верится, что ее температура ниже ноля быть не может, — эта была как жидкий азот. Но тоже отмылся, так тщательно, как только смог. Вспомнил вчерашнюю парилку в полдень, представил, как мы пойдем по ней и будем идти целый день, и сразу обрадовался холоду.

Еще заметил, что прямо под ногами, меж камней, металось множество рыбы, напоминавшей некрупную форель на первый взгляд. Надо же. Тут рыбалка классная должна быть, наверное, с голоду не загнешься. А эту хоть вообще руками лови. Я попытался, но ни черта не поймал, после чего заключил, что это мне просто не надо было, вроде как поддавался я.

Когда у меня зуб на зуб тоже не попадал от холода, я выбрался на камни и вытащил из ранца полотенце. Простое такое вафельное полотенце. Какое я по армии помнил, только еще и большое. Разве что... рубчики вроде как чаще расположены, чем в моем военном. И края подшиты толстой красной ниткой, чего у нас отродясь не делали: только в тон.

Посох вырубить не удалось — не присмотрел ни одной более или менее прямой лесины, все какое-то изогнутое вроде тех лиан. Нашел было палку, примерно вписывавшуюся в мои представления о требуемой форме, но выбросил сразу — она от влаги была весом как лом, и кора под пальцами просто в слизь разъезжалась. И руку после нее хоть заново мой. Не выйдет, видать, посохом обзавестись.

— Ну теперь говори, в какую сторону Торг, а в какую — Новая Фактория, — спросил я.

— Солнце слева держи — и тогда в Факторию попадем, — ответила Вера.

— Пошли, чего ждать, — кивнул я и двинул к дороге.

На саму дорогу лезть не хотелось, но природа другого выхода не оставила. Едва колея вынырнула из оврага, джунгли стиснули ее с двух сторон так плотно, что и шага в сторону было не сделать. А идти через них — так мачете намашешься до полной одури. Поэтому пришлось топтать по колее, лишь избегая грязи и норovia выбирать места с травой. Свежих следов не было, да и старые давно поистерлись. Колея и колея.

— Вера, а что, не часто здесь люди ездят?

— А откуда часту быть? — удивилась она. — Тут с племенами только отец торговал да еще несколько купцов. И далеко, и опасно. Да и Племя Горы совсем опасным стало. Они с турецкими работорговцами торг ведут, те им ружья на рабов меняют.

— Они на вас напали? — уточнил я, догадавшись.

— Они, — подтвердила Вера. — Я лица видела, не ошибусь.

Как в этих краях лица подтверждают племенную принадлежность, я уточнять не стал, чтобы не укреплять своей репутации слабоумного, но решил, что для всех это очевидно. Кольца в носу какие-нибудь специальные или

там еще чего. Расовые и племенные признаки, например. Не спутаешь же в Африке бушмена с зулусом, ну и здесь так, возможно.

Шагала Вера, кстати, широко — явно была привычна к дальним походам, — так что через час пути я перестал беспокоиться, что девочка начнет уставать. Она как бы меня самого не переходила. Вперед не лезла, говорила тихо, по сторонам смотрела внимательно, в общем, ко всему привычного человека в ней видно было, даром что молодая совсем. Это хорошо, это в наши времена и в наших краях такие подростки все больше вывелись, они все больше за «Плейстейшн» время проводят. Как говорил один мой знакомый отставной полковник: «... вошку по стене гоняют», — подразумевая при этом своих двух племянников.

Солнце поднималось все выше, а вместе с ним поднималась и температура. Похоже, в местной бане опять печку включили. Птицы чуть стихли, потому как период основного концерта у них на рассвет с закатом приходится, насколько я заметил, а вот животных хватало. Нескольким раз я замечал каких-то бурых зверей, размером и формой напоминавших барсука, копавшихся в траве или ломившихся через заросли, затем нам дорогу пересек целый выводок вполне обычного вида диких кабанов. На нас они внимания не обратили, но Вера заметно испугалась. Да и я струхнул, вспомнив, чем чреваты такие встречи в наших краях, если кабаны не в настроении, например. Поэтому, пока они в зарослях не исчезли и шум не стих, мы даже не шевелились.

Затем, ближе уже к полудню, когда начали размышлять о привале, я обратил внимание на необычный след — как будто по две пятерни с когтями прошли с двух сторон от волочащегося по грязи бревна.

— Кто это? — спросил я.

— Болотный ящер, похоже, — ответила Вера, настороженно оглядываясь. — Тут река близко быть должна, там их много.

— Крокодил? — уточнил я.

— Можно крокодил сказать, — кивнула Вера. — Но крокодил другой, крокодилов здесь нет. Ящер болотный. Не видел?

— Может, и видел, да по-другому называл, — уклончиво ответил я.

— А верно, бывает так, — согласилась девочка. — Пойдем дальше?

— Пошли.

Часто в траве замечал змей, а один раз увидел длинную, но тонкую змею, по цвету от местной зелени неотличимую, почти что в метре от меня. Она свисала с ветви дерева среди путаницы лиан, и заметил я ее каким-то чудом.

— Это кто? — спросил я, чуть отступив назад.

— Лианный аспид, — сказала Вера и ловким ударом мачете располовинила висящего гада.

Отрубленная половина с головой упала на землю, и Вера, ни секунды не усомнившись, наступила тяжелым ботинком на хрупкую голову.

— Ядовитая?

— Еще какая! — подтвердила девочка. — И нападает часто. Их не видно — люди близко подходят, а она и жалит. У отца в прошлом походе от такой змеи матрос погиб. Как ни старались, а не спасли — прямо в шею ужалила.

— Понятно, — кивнул я. — Запомню. А удавы есть?

— Удавы есть, — сразу ответила она, не запнувшись на слове. — Но они на людей редко нападают, только самые большие.

Место для привала мы нашли минут через пятнадцать после встречи с лианным аспидом. В джунглях вновь начали проглядывать скалы, и когда я увидел кучку крупных

и достаточно плоских камней, то предложил остановиться там. И не сыро, и всяких гадов меньше опасешься, и появятся те самые негры — так и убежище будет.

Выбор я сделал правильный. На нагретых камнях сидеть было удобно, а когда я пригляделся к тому, сколько всяких насекомых ползает в траве, то стало еще удобней. И я похвалил себя еще раз за догадливость. Недостатком места можно было считать лишь то, что наше появление спугнуло пестро-серую змею, гревшуюся на солнце. И она нырнула в расщелину совсем неподалеку от того места, где мы отдыхали. Со слов Веры выходило, что змея эта, «серая гадюка», была тоже полна яда под самую завязку, аж через край. Но девочка отнеслась к присутствию змеюки спокойно, ну и я не стал паниковать — не к лицу такому защитнику, как я.

Минут тридцать мы отдыхали, сняв ботинки и разложив мокрые носки на горячих камнях. Не то чтобы очень помогло — влажность ничему полноценно сохнуть не давала. Я даже за «винчестер» беспокоиться начал: как бы он ржавчиной не пошел. Не верится мне, что эта сталь не ржавеет, недаром он смазан так всерьез. Осмотрел винтовку внимательно, но пока никаких признаков коррозии не обнаружил. Даже дерево под таким слоем лака набрать влажности не сможет, скорее всего. Но в любом случае — как дойдем до места, так и устройю большую чистку.

Затем мы пошли дальше. Всю дорогу меня грызло беспокойство по поводу того, что лес-то велик, да вот дорога в нем одна, получается. И если есть риск кого-то встретить, то именно здесь, на ней. Со слов Веры выходило, что купцы толком не знали, где именно обитает это самое Племя Горы. Вроде где-то восточней дороги, но где именно — неизвестно. Дела они вели с какими-то другими купцами, приезжающими не пойми откуда,

а больше ни с кем и не знались вроде как. Поэтому шел я сторожко, перед крутыми изгибами дороги замирал, прислушивался, хоть и без особого успеха из-за птиц, а затем крался вперед, чтобы обнаружить неприятности первым, случись такие.

Но ничего не случилось, и в какой-то момент я даже подумал, что слишком осторожничаю. Если здесь всего одно племя злодеев и вчера оно устроило удачный набег, то сегодня должно сидеть у себя дома, водку жрать и добычу делить. Не патрулируют же они дорогу!

Неприятности возникли неожиданно — сначала в виде глухого стука копыт по влажной земле, набегающего откуда-то сзади, а затем крика Веры:

— Негры!

Не мудрствуя лукаво, я просто отшвырнул девочку к зарослям, перехватывая карабин и вскидывая его в сторону звука. И когда из-за поворота дороги, который мы только что прошли, вылетели три скачущие во весь опор лошади, несущие всадников, я размышлять о том, кто они такие и чего хотят, не стал — не мои проблемы, предупреждать надо. Прицелился в первого, размахивавшего чем-то над головой — арканом, что ли, — большим пальцем взвел курок, нажал на ставший неожиданно коротким и легким спуск. Грохнул выстрел, и всадник вылетел из седла, кувырнувшись. Рычаг вниз-вверх, второй выстрел, во второго, пытающегося пригнуться за шеей лошади. Ему в бок угодило — раз, затем второй.

Опять крик, тело грузно свалилось с седла в вязкую грязь и потащилось следом за рванувшей вперед лошастью, а за ним волочилась длинная веревка с какими-то шарами на концах. Третий сообразил, что напоролся на проблемы и что остановиться и развернуться для бегства он уже не успевает, поэтому наотмашь хлестнул лошадь плетью, так, что она аж взвизгнула, а затем рванула вперед, тол-

кнувшись двумя ногами. Но я уже успел выбросить гильзу, перезарядив винтовку.

К своему большому удивлению, первой пулей я не попал, хоть до цели было всего метров десять. Дважды хлопнул револьвер Веры, человек в седле дернулся, свесился направо, и я, уже прицелившись тщательно, выстрелил во второй раз, целясь в перекрестье каких-то ремней на голой смуглой спине. И на этот раз не промахнулся. Он еще дернулся, а затем перегнулся вперед, через луку седла, и свалился на дорогу, запутавшись рукой в поводьях, натянув их и остановив погнавшую было лошадь.

— Коней, коней держи! — крикнула Вера, пробежав мимо меня и оттолкнув так, что я чуть не свалился в рыжую дорожную грязь.

— Стой, девка! — заорал я, видя, что она несется к вожденной гнедой лошади, даже не глядя на валяющегося на земле человека, который вовсе не был мертв, а уже приподнимался на локте.

— Лежать! — рывкнул я и выстрелил ему в грудь.

Опять грохнуло, того откинуло ударом, из руки выпал длинный нож, а испуганная выстрелом из-за спины девочка с визгом отскочила в сторону, споткнулась и растянулась на дороге. Однако времени на обиды терять не стала, а, перекатившись, вскочила на ноги и, не обращая на меня ни малейшего внимания, вновь понеслась вперед. И через пару секунд уже сидела в седле, а еще через минуту вела уже за собой в поводу двух других лошадей, улыбающаяся и гордая собой и совсем ни капли не шокированная развернувшейся перед ней бойней.

А я стоял над одним из убитых, перекатывая в ладони подобранные пустые гильзы и задумчиво его разглядывая.

— Это негр? — спросил я Веру, так и не спускавшуюся с седла.

— Негр, не видишь разве?

В ее голосе явственно слышалось недоумение моей непонятливостью. Нет, я понимаю, что я ничего не понимаю, но... в этом самом моем понимании на негра, черного и губастого, похож был больше я, чем убитый молодой мужик, лежащий передо мной в грязи. Худощавый, мускулистый, он весь был покрыт татуировкой в виде переплетающихся орнаментов, даже лицо, а на лбу у него было выколото нечто, напоминающее три разновеликих треугольника, сомкнувшихся краями. Еще он был смугл потому, что загорел почти до черноты, что немудрено на таком солнце, но в остальном... В общем, волосы у меня были даже темнее, потому что его русые космы, заплетенные в многочисленные косички, выцвели на солнце, да и в небо он смотрел раскрытыми и остекленевшими голубыми глазами. И если к чертам лица присмотреться, то Ванька Ванькой получается, Рязань косопузая.

Другое дело, что этот «Ванька» одет был в портки с чужой задницы, которая размера так на три больше была, чем у него, да и подпоясан веревкой. Я глянул на другого, одетого не только в портки, но и рваную рубашку, которая тоже не выглядела так, словно ее на него шили, к тому же одного рукава у нее не хватало примерно на половину.

На третьем же было что-то вроде набедренной повязки, сделанной из мешковины, причем мешковины настоящей — на ней сохранились трафаретные буквы от какой-то надписи. Обуты все трое были в некое подобие мокасин из толстой, плохо выделанной кожи. В общем, вопрос «дикарства» в данном случае даже не возникал. Но другие вопросы оставались.

— Вера, ты прости... у нас негры по-другому выглядят, — сказал я. — А почему вы этих неграми называете?

— А как их еще называть? — удивилась девочка. — Они же негры.

Видать, я совсем чушь пороть буду, но прояснить ситуацию я намерен. И проясню.

— Негр — это черный, — сказал я. — Черного цвета.

— Верно! — вдруг обрадовалась Вера. — Господь в бесконечной мудрости своей дал нам облик по образу и подобию своему. И Господь есть Свет, и слава его освещает земли наши. Так?

— Ну... так, — в целом согласился я.

— И свет славы Господа есть цвет белый, он же цвет чистоты. На языке франков — «бланко», так?

— Ну... если на «языке франков», то так, — подтвердил я, удивляясь такому названию для испанцев — «франки».

— А если кто по дикости и злобе своей отвергает образ, Господом ему данный, и оскверняет лицо, повторяющее лик его, может ли он быть чист?

— Ну... нет? — попробовал угадать я.

— Верно! — торжествующе ответила девочка, воздев руку как проповедник. — Отвергший образ Господень нечист, а нечистоту означает цвет черный, на языке франков как?

— «Негро»?

— Ха! — указала она на меня пальцем. — Сам все знаешь, а придуриваешься. Поэтому и негры.

— Понятно, — кивнул я. — А у нас таких просто дикими зовут. Или дикарями.

— А эти из негров самые плохие, — добавила девочка. — Они охотятся на других негров и продают их торговцам. И нападают на купцов.

— А на нас зачем кинулись? — уточнил я.

— Они не думали, что ты так быстро стреляешь, — ответила она. — Наверное, хотели поймать, а потом продать. Видишь боло? — Она указала пальцем на измазанный в грязи ловчий инструмент, так и тянущийся из руки убитого. — Ты большой, сильный, а я... девоч-

ки всегда дорого стоят на рынках у турок. Тем более такие...

Она гордо покрутила в пальцах свою светлую косичку.

— Хорошо, — кивнул я. — Вот у этого ружье. У того я револьвер вижу. И сумки у них чересседельные, надо пошариться.

Обыск прошел быстро. Оказалась у негров длинноствольная однозарядная винтовка с рычажным затвором, под патрон, здорово напоминающий наш старинный для берданки, а сама винтовка напоминала формой известные в свое время винтовки Балларда. К винтовке нашлось с десяток патронов, и я не удержался, раскачав, выдернул массивную свинцовую пулю из одного, высыпал порох на ладонь — дымарь, черный порох. Остальные патроны вместе с опустевшей гильзой ссыпал в сумку — винтовка выглядела вполне новой, и я решил, что она чего-нибудь да стоит. По ходу осмотра заметил, правда, что, словно в подражание цитате из Писания на прикладе моего «винчестера», на прикладе трофейной винтовки было что-то выжжено арабской вязью. Интересно.

У второго негра был плохонький, весь разболтанный револьвер «переломного» типа, смахивающий на старинный «смит-и-вессон» второй модели, всего с пятью патронами в барабане, которые я высыпал на ладонь и отдал Вере. Оказались такого же калибра, вот и пригодятся. У третьего было что-то вроде казачьей пашки из плохого железа и клеенный из разных сортов древесины лук за спиной, с запасом стрел. Я показал его Вере, но та лишь пожала плечами, и оружие Чингачгука полетело в кусты, предварительно разрубленное пополам ударом мачете. Такому мы не учены, не умеем.

Из «орудий захвата» у двоих были боло, а у последнего — свернутый аркан у седла.

— Верхами мы быстро доберемся, — радовалась Вера. — Бери вот этого, серого, он как раз по тебе, самый крепкий.

Я посмотрел на не слишком высокого лохматого серого конька, напомнившего мне статями монгольских лошадей, и понял, что теперь надо будет сознаться в постыдном. Я понятия не имел, как на него садиться, как на нем держаться, и как заставлять или уговаривать его ехать, и как заводить. Все. Момент истины.

— Этого, говоришь? — вдруг крепко задумался я. — М-да.

Вера помолчала, глядя мне в глаза, затем спросила:

— Откуда ты? И кто ты? У нас все умеют верхом. С детства.

— А у нас кони только на картинках, — честно ответил я.

* * *

Разговор у нас затянулся примерно на час. Как ни странно, сознание девочки, воспитанное на коктейле из Ветхого Завета с Новым, достаточно легко восприняло мое заявление, что я попал сюда не пойми откуда. Понятие «чудо» для нее не было чем-то отвлеченным, а «воля Божия» запросто мотивировала это явление, да еще придала некой значимости моему появлению в этом мире. А мое появление рядом с ней в трудный момент вообще было явным знаком того, что без «Десницы Господней» не обошлось, и таким образом он спас ее, послав к ней меня. И это в ее собственных глазах налагало на нее некие обязательства передо мной, против чего я и не возражал, — «проводник» мне нужен был категорически, без всяких сомнений, потому что для начала мне неплохо было бы хоть какой-то целью обзавестись в этом мире. И «помочь девочке-сироте попасть к своим» в качестве первой цели звучало очень неплохо. А потом... потом видно будет, так хоть первый шаг спланирую.

Плохо то, что объяснить самому себе, куда же я все-таки попал, я так и не мог — не получалось. Для Веры

сей мир был данностью от рождения, и «объяснить его» она просто не могла — не хватало ни слов, ни знаний, ни понимания самого вопроса. А вот, казалось бы, странное отсутствие лошадей в моей прошлой жизни ее мысль обошла с удивительной элегантностью: она просто рассказала мне о неких «болотниках» — людях, проживающих среди протоков, на малых островах, у которых вместо лошадей были лодки, грести которыми они начинали одновременно с тем, как учились ходить. А лошадей у них не было, потому что негде на них кататься было. Что-то подобное, видимо, представилось ей, когда я, мучительно подбирая слова, пытался рассказать ей о машинах.

Болтали мы не впустую, а в процессе обучения основам верховой езды. Трудностей в ней оказалось немало, хотя Вера уверяла, что условия почти идеальны — эти негры пользовались нормальными седлами и прочей сбруей, а в иных случаях могли ограничиться просто лошадиной спиной.

Искусство влезания в седло я освоил быстро — ловкости хватало. Как ни странно, но и необходимость приставать в стременах при скачке тоже не удивила — я мотокроссом занимался в свое время, а там это первое дело. Разве что, в отличие от мотоцикла, стремена норвили еще и «погулять». Зато непривычная позиция с широко расставленными ногами внушала уверенность, что максимум к завтрашнему дню внутренние мышцы бедра болеть будут так, что ходить получится исключительно неприличной походкой, словно в штаны навалил.

Не слишком хороши были и шорты для езды верхом — конский пот едок и вызывает раздражение. У Веры в мешке обнаружили полноценные бриджи для верховой езды, которые она и надела, а я лишь как можно выше натянул шерстяные носки и старался следить, чтобы икры прикрывались попоной. Надевать джинсы не хоте-

лось, и не из-за кровавых пятен, а из-за их непривычного вида для окружающих. Достаточно было предупреждения Веры о том, чтобы я не трюндел каждому встречному про свою удивительную историю. Впрочем, я этого делать и не собирался — не дурак, и местной диковиной работать не хочется.

Подвеска винтовки на груди оказалась удобной для верховой езды, но вот стрельнуть в кого-то на ходу я бы точно не смог. Самым большим моим достижением в кавалерийском искусстве было умение не свалиться с седла в дорожную грязь. Для того чтобы это получалось у меня лучше, Вера вела лошадей шагом, лишь иногда переводя их на легкую рысь — исключительно с целью тренировки меня, неуча. Но, несмотря на все эти мучения, я для себя сформулировал главный постулат: «Езда верхом лучше пешего похода». Да и темп движения заметно ускорился.

Разницу между автомобилем и конем я всерьез ощутил к вечеру, когда мы нашли подходящую для привала кучу камней, возле которой была еще вполне полноценная поляна, и до ближайших зарослей оставалось несколько десятков метров. Вместо того чтобы просто «припарковать транспорт», пришлось учиться обтирать коня жгутом из травы, затем вешать ему на морду торбу с овсом, каким, по нашему счастью, запаслись негры. Вера объяснила мне, что мы сейчас пропускаем стадию «выпаивания», в иных условиях обязательную, но в этих краях в траве столько влаги, что она вполне заменяет воду этим неприхотливым, как я понял, лошадкам.

В довершение всего коней стреножили, чему тоже пришлось учиться, и пустили пастись. А я с винтовкой присел на камень, накинув на себя одеяло, и принял обязанности часового в первую смену. Предложение развести костер было отвергнуто с ходу — свет должен был приманить

к нам всех ночных насекомых с округи, из которых как минимум половина были кровососущими.

Впрочем, и без костра их хватало. Комариный писк доминировал над всеми прочими звуками, и мои руки колодили меня же по лицу просто с пугающей регулярностью. Единственной радостной мыслью была та, что днем кровососов было куда меньше. И лишь к тому моменту, когда моя смена караулить почти закончилась, я вспомнил, что видел у себя в ранце... Так и есть. Покопавшись в нем, я вытащил хитрой формы марлеву сетку с кольцом, которая надевалась сверху на шляпу и превращалась в отличный накомарник. Надел, покрутил головой — и обратно снял. И так темно вокруг, а в накомарнике вообще ничего не видно.

Потом разбудил Веру и посадил ее в караул на двухчасовую смену. Кстати, у девочки были карманные часы, разумеется, золотые и с дарственной надписью, но вполне в духе наших антикварных — луковицей. И течение времени вполне соответствовало нашему, да и все прочее было одинаковым — минуты, часы, сутки... А если вспомнить миллиметры на пулелейках, то это тоже давало пищу для размышлений. Кстати, во времена рычажных «винчестеров» были футы с дюймами или вершки с аршинами, в зависимости от страны, но никак не метрическая система. Но все эти сведения мне вообще не помогали, а скорее, даже путали еще больше. Где я?

Свои наручные часы я тоже переместил в карман и прикрепил на кожаный шнурок, решив не смущать местных более чем странным видом современных «Бланпа». Пусть они тоже механические, но явно не кустарей работа. Зачем вызывать лишние вопросы? Их, как я чувствую, и так много услышать предстоит, потому что в этом мире я как младенец.

О чем я думал эти два часа своей первой смены? О том, какие из моих умений могут пригодиться здесь, и пришел

к выводу, что если все то, что я видел и услышал от своей спутницы, правда, то полезной может оказаться лишь часть моих военных знаний. И все. А все остальное, что я знал и умел, начинает превращаться в бесполезный хлам. Вот тебе «цена прогресса». Все, что остается полезным, — умение стрелять и довольно ловко дать в морду. Ну и организовать пехотный бой, случись появиться подчиненным. И все.

Перед самым концом моей первой смены какая-то тварь повадилась рычать в зарослях, отчего кони занервничали, начали фыркать и вообще всячески беспокоиться. Я насторожился, но звук не приближался. И не удалялся.

— Кто это? — спросил я, когда мне удалось разбудить Веру.

— Это? — Она прислушалась. — Лесной кот. Он не нападет, так он самку зовет. А охотится он всегда молча.

— Для человека опасен? — уточнил я.

— Если решит напасть, то убьет, — кивнула девочка. — Он большой и очень быстрый. Но специально не охотится: человек для него слишком большой, сразу не съешь.

— Можно не доедать, — хмыкнул я. — Так, посмаковать чуток — да и хватит.

— На падаль придут другие твари, которые будут мешать ему на его участке. И распугают всю добычу. Лесной кот — умный зверь, он убивает столько, сколько ему надо для еды.

— А ты откуда все знаешь? — спросил я. — Ты в этих краях в который раз?

— Второй, — вздохнула Вера. — Но с нами всегда проводник ходил Яков, из Новой Фактории, он все рассказывал. Он уже старый был, в этих краях каждую тропку знал. Его тоже негры убили, самым первым из всех. Он рядом со мной шел, а я в фургоне сидела. Потом был выстрел, и он упал, а затем уже напали на всех.

Она заметно погрузстнела и вроде всхлипнула. Я сделал вид, что не заметил, и начал укладываться спать, наказав ей на посту не уснуть, на что она кивнула с самым серьезным видом.

Отключился я сразу и спал без снов. А проснулся с первыми лучами рассвета, от птичьего концерта. И обнаружил Веру мирно дремлющей, завернувшись в одеяло. Та-а-ак... Дочь купеческая...

Я протянул руку и откинул одеяло с ее бедра. Потом аккуратно расстегнул клапан кобуры, а затем вытащил оттуда «уэбли», положив себе за спину. После отстегнул у нее с пояса ножны с ножом и вытащил из чехла мачете, присовокупив все к револьверу. Затем заорал:

— Негры!

Второй раз кричать не потребовалось. Девчонка подлетела так, что чуть не скатилась с камня, последовательно схватилась за все наличное оружие — и не нашла ничего. На лице у нее отразилось сначала отчаяние, а затем недоумение, когда она обнаружила меня сидящим рядом и ехидно ухмыляющимся.

— Что, нет оружия? — сочувственно осведомился я у нее.

— Н-нет... — немного неуверенно сказала она.

— Ты что делать должна была, когда я спать ложился?

— Сидеть два часа, а потом тебя будить, — четко ответила она.

— А насчет того, чтобы ты легла спать, разговор был? — поинтересовался я.

— А я и не ложилась. Мне прохладно было, и я вернулась в одеяло, — вздохнула она. — А потом заснулось как-то.

— Заснулось?

— Ага, — кивнула она. — Даже не помню как.

Ну ладно, все хорошо, что хорошо кончается, зато выспался. Но это я знаю для себя самого. А ей бы надо со всем другие правила внушить.

— За сон на посту там, где война, часового могут казнить, — сказал я, благо не проверишь. — Если бы пришли негры, то нас бы во сне просто связали и уже гнали на продажу. Ты это понимаешь?

— Ага, — кивнула она, заметно уже напуганная.

— Тебя когда-нибудь пороли? — участливо поинтересовался я.

— Учила, — кивнула Вера. — В школе.

— Во как! — было удивился я, поскольку спросил просто так, чтобы укорить, сам о предмете вопроса не думая, но затем сделал поправку на окружающую действительность. — Так вот: уснешь еще раз на посту — я тебе тоже всыплю. Так, что неделю сидеть не сможешь. Понятно?

— Понятно! — Она испугалась заметно сильнее — поверила.

— А вообще... если не вмоготу дежурить, то меня буди, понятно? И не укрывайся одеялом: от тепла в сон клонит. Чувствуешь, что глаза закрываются, — встань, сидя вернее уснешь. А спать нельзя.

— Я знаю, что нельзя, — расстроенным голосом ответила она. — Я сама не заметила, как получилось.

— Получилось, потому что укрылась, — пояснил я. — Ладно, ты у нас в любом случае главная в походе, так что командуй подъем.

— Тогда подъем! Буду тебя седлать учить.

Седлание оказалось наукой не то чтобы сложной, но с тонкостями — как затягивать подпругу, как располагать седло: на спине лошади никаких посадочных гнезд под него не предусмотрено, и динамометрические ключи к подпруге не прилагаются. Но справился под чутким наблюдением своей спутницы. К счастью моему, эти

низкорослые крепкие лошадки были вполне смирными, да и я быстро научился их придерживать. Главное было привыкнуть хватать рукой за поводья в такой близости от здоровенных желтых зубов. А ну как укусить решит?

После того как Вера осмотрела результаты моих трудов и признала их удовлетворительными, последовала команда «По коням!», и мы тронулись в путь. Хоть ноги и болели с внутренней стороны, но куда терпимей, чем я ожидал, а наши ранцы, скрепленные наплечными ремнями, перевесились через спину третьей лошади, чубатой кобылки почти черной масти, трусившей за Вериним гнедым. Так что и багаж с комфортом едет.

К моему удивлению, езда верхом даже начала доставлять какое-то удовольствие, по крайней мере, в сравнении с пешим маршем по раскисшей грязной колее. Беспokoило, правда, то, что если мы столкнемся с кем-нибудь враждебным, то полноценного сопротивления я оказать не смогу — придется полагаться только на резвость коней. А как эта самая резвость коней отразится на мне, ни разу в жизни никуда галопом не скакавшем, я понятия не имел, но подозревал, что тогда главной заботой для меня будет удержаться в седле.

Поэтому перед каждым крутым поворотом и иным сомнительным для меня местом я спешивался, осторожно разведывал, что ждет нас впереди, и только после этого вновь садился в седло, чтобы продолжить путь. Поход это замедляло, но лучше быть медленным, чем мертвым. Отойди мы вчера от поворота дороги чуть меньше, как и рассчитывали, видимо, негры, — и у меня просто не было бы времени на выстрел, а всадник успел бы метнуть свой боло. И я почему-то уверен, что он, скорее всего, попал бы в меня, тем более что второй скакавший тоже собирался метать такую же штуку. Спасло нас расстояние: они вынуждены были проскакать вперед,

чтобы сократить дистанцию, а я все же быстро стреляю и метко, поэтому свалить их большого труда не составило, но... все на чистом везении. Ну и на том, что они нас живыми взять хотели, а нас их здоровье заботило крайне мало.

Попутно мне читался курс «теория кавалерийского дела», где каждое слово было для меня откровением. Например, то, что лошадь можно не привязывать, а чтобы она далеко не ушла, надо просто перекинуть поводья ей через голову, было для меня открытием почище Америки. Оказывается, она будет на эти поводья наступать, и это не даст ей смыться. Чудно.

Днем, уже традиционно, объявили привал, когда обнаружилось подходящее место. Джунгли постепенно отступали от дороги, давая место скалам, которые, между всем прочим, поражали количеством греющихся змей. Это сезон или у них всегда так? Моя мама, которая змей боялась до судорог, завизжала бы при приближении к первым камням и так продолжала бы голосить непрерывно — благо какой-то повод всегда оказывался в поле зрения.

— Вера, кстати, спросить хотел, — сказал я, разгрызая вяленое мясо на ржаном сухаре. — Откуда гиены в джунглях? Для них же степь нужна! Ну саванна, поле.

— Верно, степь, — согласилась она, отрываясь от столь же трудоемкого занятия. — Так степь краем своим прямо с того места и начинается. Если бы мы в ту сторону пошли, то уже через час по степи бы брели. Вот и забегают с той стороны. А здесь гиен нет, тут ты верно сказал.

Еще минуту просидели в молчании, сосредоточенно хрустя сухарями, затем я вновь спросил:

— А что дальше думаешь делать? Куда потом?

— Потом? — Она пожала плечами. — Потом на шхуну, на «Чайку». Там шкипер ждет, и машинист, там есть судо-

вая казна. И от отца деньги остались. Найдем матросов — и на Большого Ската пойдём. А что?

— Да так, — теперь уже пожал плечами я. — Думаю — куда мне дальше направиться. Расскажи про Большого Ската и кого туда пускают.

— Стой! — Она аж подскочила. — А со мной ты что, не собираешься? Ты в Судьбу не веришь или в Десницу Господню? Нас же не просто так вместе свело.

Я даже усмехнулся такой простоте, затем сказал:

— Ну сама посуди — у тебя есть своя жизнь, дело, прочее. Кто я там? Никто. У тебя там дядя теперь всем заправляет? Как ты ему объяснишь, кто я такой и откуда взялся? Да и подумать могут плохо: ты все же до невест не доросла.

— Стоп! — Она выставила правую руку ладонью в мою сторону, словно действительно останавливая. — Если ты взялся меня защищать, то я могу на Завете поклясться, что отец тебя пригласил мне в телохранители.

— Это почему? — не понял я такой логики.

— Потому что если во всем этом Десница Господня, то это власть, которая выше отцовской. А значит, если бы отец был рядом, то волей Божией он так бы и поступил. Верно?

— Во как! — поразился я такому заключению. — Ничего себе.

— А вот так, — сказала она. — И вообще я не хочу, чтобы дядя всем командовал. Он хоть отцу и брат, но я его не люблю. А так он становится старшим, а у него трое детей от двух жен. Зачем я там?

— Ну а я что смогу сделать?

— Если я поклянусь, что отец сделал тебя ответственным за меня, то тогда ты сможешь говорить за меня, если надо.

— И что это даст? — не понял я.

— Мне нет шестнадцати, — пояснила она. — Дядя обязан взять меня под опеку, и он может решать за меня, что мне делать и как мне жить, у него родительская власть будет. А за тот год, что ему останется править делом, он что угодно может сотворить.

Хм... тут грех спорить. Если там дядя такой живчик и у него своих «семеро по лавкам», то лучше способа перетащить одеяло на себя у него и не будет. «Иди, милочка, погуляй, пока тут дядя бухгалтерией занимается». Я на таких родственников-партнеров насмотрелся. Они мне по работе часто попадались. И хрен что потом из них вытащишь обратно.

— И что ты можешь сделать? — уточнил я.

— Если отец последней волей поручил тебе за мной присматривать, то ты можешь говорить от моего имени и в моем интересе. И никто тебе ничего не скажет.

— Но отец-то этого не поручал мне, — сказал я. — Я его даже не знал — и сразу попадусь на вопросах.

— А я тебе все расскажу о нем, — ответила Вера, скрестив руки на груди.

Куртку она сняла, оставшись в чем-то вроде майки без рукавов из тонкого полотна, и я удивился, обратив внимание, какие у нее мускулистые руки. Интересно, тут все подростки такие крепкие? Может, мы чего-то там в своей действительности не понимаем?

— Ну хорошо, расскажешь, — кивнул я. — Но ведь это неправда, и ты совсем не знаешь меня. А если я сам хочу тебя ограбить или обокрасть? А ты зовешь меня с собой.

— А я в это не верю, — ответила она. — Нас и так ограбили и почти всех убили. Не стал бы Господь посылать туда еще одного злодея. Не сделаешь ты этого.

— Не сделаю, верно, — кивнул я. — И за приглашение спасибо. Тех денег, что ты мне заплатила, хватит на новую одежду?

— Одежду? — не поняла она.

— А что, никто не узнает вещей твоего отца? И как мы объясним то, что они на мне, — он поручил тебя моей заботе и снял с себя все?

— А.. ну да.. — сообразила она. — Хватит. Мы же еще лошадей продадим и поделим деньги: лошади все равно на шхуну не влезут. Они дорогие — там тебе на все хватит. — Затем подумала и добавила: — И все равно ты не имеешь права меня бросать. У меня никого не осталось, а еще я встретила тебя, да еще с такой тайной, какую не знает никто во всем мире. И ты хочешь теперь от меня уйти? Это даже нечестно!

— Ладно, ладно, не уйду... — отболтался я, укорив себя за то, что забыл про такой банальный фактор, как детское любопытство. Так она просто и отстанет, держи карман шире.

На этом разговор и закончился. Доели в молчании, затянули подпруги лошадям, да и поехали дальше. Поскольку в седле я держался все лучше, Вера перевела коней на легкую рысь, резко ускорив скорость нашего продвижения. Говорить стали мало — больше по сторонам смотрели, чтобы неприятностей не проспаться, но все было спокойно и тихо. Из-под копыт, равномерно шлепающих по влажной земле, летели комья глины, поскрипывало седло у меня под задницей, орали птицы в джунглях. А я погрузился в размышления на тему «И куда я все же влип?» Но почему-то против всех законов логики в результате решил, что если какой-то дядя решит ребенка ограбить, то я ему, козлу, матку выверну, независимо от наличия на то воли Божьей. И если он подумает, что в таких делах я ничего не понимаю, то тут он глубоко ошибется. Я его еще и поучить могу... премудростям корпоративного передела.

* * *

Еще одну ночевку в пути мы устроили — все же медленно двигались, со всеми предосторожностями. Но никого не встретили, разве что я впервые увидел упомянутого лесного кота — любителя рычать по ночам. К моему удивлению, это оказалась могучая зверюга, размерами и комплекцией напоминающая ягуара, только расцветкой — вылитый наш дворовый полосатый Васька, любитель поурчать и погоняться за птицами. Зверь сидел на дереве, выросшем на высокой скале, и оттуда презрительно наблюдал за нами, щуря желтые глаза с вертикальным зрачком и свесив полосатый хвост.

— Стрельнешь? — спросила Вера, оживившись.

— Зачем? — удивился я.

— Шкура дорого стоит, — пояснила она. — В Новой Фактории продашь.

— Ну ты, купеческа дочь... — усмехнулся я. — Практичная какая. Привыкай, что не все на продажу. Вон он какой, величественный. Пусть живет и тут порядок наводит, как ему нравится.

— Как хочешь, — пожала плечами девчонка. — Вон объездчики, кстати.

Действительно, навстречу нам шагом ехали три всадника на таких же низкорослых крепких лошадках, какими мы у негров разжились. Все одеты разномастно, но у каждого на рукаве красная повязка, как у дружинника или у дежурного по части, к примеру. И у каждого же поперек седла был ловко и привычно уложен карабин.

— Куда путь держим и откуда? — спросил один из всадников, крепыш с бородой от самых глаз, почти скрытых широкими прямыми полями серой шляпы.

Все трое с неким оттенком сомнения уставились на меня, и я даже не понял поначалу, чем вызвал такое

внимание к себе. Но потом сообразил: борода! К счастью моему, щетина из меня вообще лезет быстро — когда служил, то подчас дважды в день бриться приходилось, так что моя уже трехдневная небритость, подправленная «для контурности» опасной бритвой, все же некое подобие бороды представляла. Но недостаточное, раз они так уставились.

— С «Закатной чайки», что у второго пирса стоит, остатки обоза, — ответила Вера. — Негры нас ограбили, только мы двое остались.

Внимание перескочило с меня на нее.

— Какие негры? — спросил второй, с короткой бородкой на одном лишь подбородке.

— Племя Горы, — ответила Вера.

— Я помню тебя, — кивнул бородатый крепыш. — Ты — дочь Павла-купца, вы обозом на Торг пошли, за соком. Так?

— Верно, — кивнула девочка.

— Совсем сдурели негры, — вздохнул третий всадник. — Пора братья за них. Нарочно мутят их турки, крест им в гробину, чтобы нам жизнь портить.

Он был светловолосым и тощим, с бородой, напоминающей клок мочала, растрепанной и всклокоченной, а обвисшие поля его соломенной шляпы словно мыши погрызли. Зато патронные ленты пересекали его худое туловище во всех направлениях, как у революционного матроса или анархиста, на которого он был больше похож.

Взгляд мой перескочил на его оружие, а затем на патроны в бандольеро. Вооружен он был вполне добротным «болтом», с затвором с рукояткой в середине стебля и с магазином снизу. Внешне винтовка напоминала немного «мосинку», но при этом и здорово отличалась.

Сами же патроны были привычным калибром, с бутылочными гильзами с закраиной, в общем, как нельзя

больше напоминали наши пулеметные, но пули в них были со свинцовыми носиками, только с боков взятые в латунь. Вспомнилось, что у негров патрон для однозарядки был совсем другим — вроде револьверного переростка.

У парня с короткой бородкой патроны были такими же, да еще и с плоскими головками пуль, явно стесанными вручную, зато сама винтовка была рычажной, хоть и не с подствольным магазином. Крепыш же был вооружен почти таким же «винчестером», как и я, крайне выгодным при драке вблизи. А еще у всех были револьверы в кобуре и патроны к ним в поясах. В общем, чистый Дикий Запад, если бы это и вправду был он. И если бы говорили не по-русски. И не о неграх.

Из всего виденного я сделал два вывода: во-первых, я по-прежнему не понимаю, где я нахожусь, и, во-вторых, это какие-то ополченцы, судя по разнообразию вооружения, а не войска. Недаром понятие «солдат» так долго доходило до Веры. А что, им тут армии не требуются, достаточно ополчений?

— Вы бы сразу, как в город прискачете, к полковнику пошли, — сказал бородатый крепыш. — Расскажите ему, где засада была, да что вообще помните. Совсем они страх забыли, негры эти.

— Пойдем обязательно, — ответила Вера, а я опять промолчал.

Не то чтобы боялся проколоться произношением или языком — я уже за время похода нашего вполне втянулся в такое вот формулирование фразы «без падежей», а акцент у них был такой, как и у меня самого, самый что ни на есть из средней полосы. Но Вера вела себя уверенно и толково, и они, признав в ней купеческую дочь, тоже слушали ее с должным уважением, поэтому и не лез.

Объездчики повели коней дальше по дороге, по-прежнему шагом, а мы, ускорившись до рыси, поскакали к недалекому уже порту.

Не знаю почему, но я ожидал увидеть что-то вроде средневекового города со стенами и башнями, на которых стоят часовые. Почему? Да и сам не знаю, не могу объяснить логически — как-то такой вот образ сложился в мозгу. Но сначала я увидел голубую поверхность моря, протянувшуюся до горизонта, через которую тут и там клоками зеленой овчины пробивались шапки нескольких островов, а ветер донес запах йода.

Сам же город ничего особо выдающегося и экзотического собой не представлял. Сперва шли домики с глинобитными, но вполне аккуратными стенами, с виду победнее, окруженные плетнями из высохших толстых лиан, а затем показались и просто кирпичные или деревянные, уже побогаче. Сначала фермы, потом пригороды, а потом и сам город. И лишь чуть на отшибе находился форт, прикрывавший, насколько я понял, гавань, в которой, насколько мне удалось разглядеть из седла, возвышался настоящий лес мачт. Мачт, пригодных нести паруса. И между которыми я не увидал ни одной трубы.

А вот это интересно, кстати: Вера ведь машиниста поминала — из тех, кто ее на шхуне ждать должен, — и, если я что-то помню из истории, ничего иного, кроме как паровой машины, здесь ожидать не следует. А где паровик, там и трубы. Ладно, посмотрим.

Чем ближе мы подъезжали к центру городка, тем плотнее становилась застройка и тем быстрее пропадало «ощущение Дикого Запада». В вестернах все города фронта выгледели как временки, на скорую руку построенные из досок и не пойми чего, здесь же бросалось в глаза то, что город построен давно. И крепко. На стены домов шел красный кирпич, добротный и качественный,

и сразу было видно, что большинство домов построено как бы даже не лет сто назад — подобное можно увидеть в старых кварталах германских городов. Стены достаточно обветрились и потемнели от времени, чтобы можно было понять: сложены они давно и на века.

Особо поражала своей добротностью церковь — покрытая штукатуркой и побеленная, в отличие от других строений, с конической крышей, с возвышавшимся на ней простым крестом с одной переладиной и не дававшая возможности отнести ее к какой-то конкретной конфессии. Просто, скромно, основательно. Размером она была такова, что, казалось, в ней весь город вместе с пригородами уместиться сможет. К тому же с боков она прирастала изрядным подворьем из нескольких белых же домов непонятного мне назначения.

Улицы же были достаточно широкими — двум телегам разъехаться и еще людям пройти. И мостовая была неплоха, и тротуары имелись. Былолюдно и даже шумно. Хватало и телег, и легких повозок, и, похоже, популярных здесь двуколок, а еще было, к удивлению моему, много велосипедов. Вполне нормальных с виду велосипедов вроде старого советского «Минска», у которого тормоз включался педалями. Я даже подумал, что для меня, никакого кавалериста, такой транспорт был бы самым лучшим.

— Давно город построен? — спросил я Веру.

— Века два с половиной назад, — ответила она, не задумавшись ни на секунду. — Как отсюда лес возить начали и с неграми торговлю повели. А после того как к северо-востоку серебро нашли, так он совсем укрепился.

— Не нападают на него?

— Поначалу пытались, — кивнула она. — Тем более что турки оттеснить христиан от серебра всегда хотели, вот племена нападать и подговаривали. Но поначалу отби-

вались, а теперь город совсем крепким стал, просто так нападать боятся. Бывает вот... как у нас.

Тут она вздохнула и вновь помрачнела, а я мысленно обругал себя за тупость — не мог сообразить, на что разговор выведет? Три дня, как она отца потеряла, а я тут любопытство тешу. Болван, как есть болван. Пень с глазами.

Как я уже сказал, на улицах былолюдно, и было заметно, что в основном все спешат куда-то по делу, празднотающихся не видно. Все мужчины носили шляпы, у многих на ремнях висели кобуры с револьверами. Одежда у всех простая, в простые же цвета крашенная. Ткань — все больше крепкое полотно и холстина, та, что сразу не порвешь. А вот женщины удивили — если по антуражу я ожидал от них длинных юбок и шляпок, зонтиков и шпилек, как все в тех же вестернах, то не ошибся только со шляпками. В остальном же... нельзя сказать, что носили они мини, но длина подолов преобладала умеренно скромная и практичная, чуть ниже колена, а у кого и выше, а у многих еще и с запахом — для удобства, наверное. В общем, не выглядело так, что кто-то здесь специально заморачивается общественной моралью, — все больше практичностью и удобством. Были и просто брюки, похожие на джинсы, вернувшиеся в свою естественную форму — рабочей одежды.

Прически у женщин тоже были не из девятнадцатого века. Были косы, по одной и по две, висячие и свернутые в узлы, были и просто привычные нам «каре», без всяких хитростей, а были и «конские хвосты», причем носились они все больше с забавными плетеными шляпками, скорее напоминающими жокейские шлемы. Хотя женщины есть женщины, стиль и даже мода во всем этом прослеживались — и в одежде, и в прическах, и в обуви, да и украшениями они не пренебрегали. Но так все, очень умеренно, не оголтевая.

Мой мозг попытался переварить новый объем полученной информации — и не переварил, а мысль окончательно забрела в логический тупик, где и застряла: ничего подобного в истории, о которой я всегда любил книжечки почитать, я так и не нашел. Не было в ней аналогий — и все тут, если в комплексе смотреть. Отдельные кусочки головоломки запросто укладывались в мои представления о той или иной эпохе, но зато в такой компоновке они никак не подгонялись друг к другу. А здесь совмещалось несовместимое. И вроде так нормально совмещалось, гармонично, никого не удивляя и не шокируя.

На первых этажах домов из красного кирпича хватало лавок, парикмахерских, каких-то трактиров, названия которых понятны были без всякого перевода, поскольку писаны были по-русски. Подчас поражали местными особенностями языка, но так, по мелочам все больше. Отметил я и то, что твердых знаков с «ятями» в написании не имелось — стандартный русский алфавит, тот самый, что после советской реформы возник.

Один раз глаза мои споткнулись о небольшую бронзовую табличку, висящую на стене добротного кирпичного дома в два этажа, на которой было написано «Ambassador». Перевод не требовался, а вот расшифровка...

— Это что? — спросил я.

— От франков посланник здесь живет и принимает, — ответила Вера. — И язык франкский. Не учил?

— Франкский? — озадачился я. — Франкского не учил.

Интересно, что у них под франкским здесь понимается? Французский? А откуда в нем тогда «негро» и «бланко» из испанского?

— А я учила немного, — гордо ответила она. — Поговорить смогу.

— А... франков этих здесь много? — спросил я.

— Нет, мало, — покачала она отрицательно головой. — Я их раза два вживую и видела. А вот те, кто на западных островах живет, так торгуют с ними все время. Но это далеко отсюда.

— Ага... — кивнул я, подтвердив, что хоть что-то понял.

На улицах стало теснее, и мы спешили, оставив коней в поводе. Сначала двигались в сторону порта, направление к которому легко угадывалось по наклону улицы и время от времени показывающимся из-за домов мачтам, но неожиданно Вера остановилась и сказала:

— На базар пошли.

— Пошли, — согласился я сразу. — А что так спешно?

— Лошадьми торговать нам не с руки, мы их барыжнику продадим, пусть и с потерей, — объяснила она. — А там все лавки есть, какие надо, и ты со мной к «Чайке» придешь уже переодетым. А время терять не хочу, а то не дождутся нас. А потом нам обязательно к полковнику надо: обоз ведь в городе нанимали — надо сказать, куда люди пропали.

— Барышнику? — переспросил я, подразумевая слово «барыш» в качестве однокоренного и вспомнив этот термин из классической русской литературы.

— Ну да, барыжнику, который барыжит, — подтвердила Вера, явно вложив в основу слова «барыгу», что меня тоже удивило — к старым словам оно никак относиться не могло.

Ну к барыжнику так к барыжнику, мне-то что? Суть от этого не меняется, а в том, что из купеческой одежды мне вылезти надо, тут мы оба согласны. Не годится в ней на глаза попадаться тем, кто покойного знал. Достаточно его винтовки. Но тут уже объяснить проще — как мне «мозги помяли», так и оружие исчезло, вот и отдала мне наследница то, что отцу принадлежало. Ее право. А мне винтовка понравилась, если к слову. Бьет как кувалдой,

механизм ухоженный, да и работа тщательная — настоящий мастер делал. Хотя насчет работы тоже вопросы имеются — очень уж качество обработки деталей высокое, для оружия века девятнадцатого нетипичное. Да и сталь, похоже, качества серьезного.

— Сюда, — сказала девочка, сворачивая в какой-то переулок.

Я пошел следом за ней, и через минуту мы выбрались на просторную квадратную площадь, замкнутую кирпичными стенами прижавшихся друг к другу домов, где все первые этажи были заняты всевозможными лавками и магазинами, а середина забита навесами и лотками. Обычный базар, короче. Привлекла мое внимание большая толпа людей. Они окружали какой-то невысокий постамент и слушали что-то громко выкрикивавшего человека, читавшего с листа.

— Что это? — спросил я, приглядываясь.

— Церковная казнь, — ответила Вера, явно сама заинтересовавшись. — Пошли посмотрим? Пока не закончат, все равно торговли не будет: все здесь собрались.

— Ну... пошли, — кивнул я, мысленно записывая еще одну строчку в список своих наблюдений: «публичные казни».

Однако именно казнью то, что мы увидели, не оказалось. На высоком помосте стояли четыре позорных столба самого средневекового вида, два из которых пустовали, а в двух были зажаты казнимые — толстый красномордый мужик с рыжей бородой венником и подходящая ему по комплекции тетка, разве что помоложе, лет тридцати. Они были заметно похожи друг на друга, из чего я заключил, что это брат и сестра. На каждом столбе висела табличка с крупной надписью: «Скупщик краденого и награбленного».

Рядом с преступниками стояли несколько человек, из которых наибольшее внимание привлек некто с ко-